

ВСЁ ЧТО ОТ ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ

ужасы / мистика

Кати Беяз

16+

Кати Беяз

Всё, что от тебя осталось

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51597691

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96432-7

Аннотация

Антон отправляется с университетскими друзьями в автопутешествие. Они выезжают в ночь, чтоб не стоять длинную очередь на границе. Их путь лежит через горы. В дороге разыгрывается любовная драма. Вспыльчивая Евгения покидает машину и скрывается в лесу, коварно утопающем в зловещем тумане. Ребята отправляются на поиски, но что они знают про таинственный перевал? Оказывается этот лес хранит свои страшные тайны прошлого. Порой его кровавые картины оживают и открывают страннику свои ужасные лики...

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1	8
Женя	8
Глава 2	34
Шизофрения	34
Глава 3	64
Гленамар	64
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Кати Беяз

Всё, что от тебя осталось

Предисловие

Роман «Все, что от тебя осталось» собрался по частям в течение шести долгих месяцев. Он в равной степени основан на фантазии автора и на историях поныне живущих людей, заглянувших однажды в глаза своей смерти. В основу захватывающего сюжета легли повествования людей, побывавших за гранью реальности, и сумевших донести свой опыт до благодарного слушателя. Мне, как писателю, приходилось пропускать через себя поистине шокирующие вещи, понимая, что они, скорее всего, не являются плодом бурного воображения рассказчика. Два раза я всерьез хотела оставить начатое без продолжения и дальнейшей публикации – так тяжело давался пересказ вещей, не поддающихся никакому научному объяснению. Но даже на время оставляя работу над романом, я ощущала, что история продолжала жить во мне, пытаюсь каждый раз вырваться наружу. Сегодня, дописав последнюю строчку, я почувствовала небывалое облегчение. Я отпустила свой корабль призрак в дальнейшее плавание с таким непростым, а порой поистине ужасающим грузом. Повествование ведется от мужского

лица, хоть автором является женщина. Намеренно выбрав этот непростой путь, я заложила в книгу части реального рассказа, не желая менять в нем ни единой буквы. Персонажи и имена в книге вымышлены, все совпадения случайны.

*Там, где война войною крыла,
Куда войска держали смертоносный курс
Сквозь полотно времен ты не забыла
Наш крик и плач, и нашей крови вкус...*

Введение

Если приказ «не шуметь!», значит я здесь не один?!

Впереди тусклым зеркалом блеснули стальные двери такие, на которые лишь стоит нажать плечом, и ты уже по другую сторону. На уровне глаз – круглые мутные окна. Надеюсь, я смогу хоть что-то разглядеть сквозь стекло. Однако уже через пару шагов я понял, что они покрыты инеем. При чем иней вырос с их другой стороны. Стало быть, там, куда я иду, температура ниже нуля.

«Надеюсь, я еще теплый, – отметив с особым сарказмом, я приложил свою ладонь к окну. – Это всего лишь стекло, оно нагреется и растопит тонкий снег».

Спустя минуту стекло и вправду приобрело некоторую степень прозрачности, и я в него взглянул. Поначалу я ничего не увидел. Там было совсем темно. Лишь когда глаза привыкли, я смог рассмотреть в свете луны высокий лес. Тот самый лес, в котором сейчас шёл. Остатки тумана стелились по земле, и в их странном свечении я вдруг увидел множество силуэтов. Они были повсюду. Эти темные человеческие тени просто стояли там, неподвижно замерев.

Раздался громкий хлопок, и чья-то рука ударила в стекло. Бледная ладонь в мелких порезах застыла по другую сторону двери. Я отлетел назад и парализованный страхом упал на осколки кафеля. В мыслях пронеслось «беги», и в то же

мгновение над головой погасли лампы. Где-то далеко они еще мигали, но надо мной уже нет. Во мраке картина в круглом окне обрела четкость, и я увидел, как рука незнакомца сползла. Поодаль чернели силуэты. И тут они пробудились, а их хищные глаза озарились странным огнем. Обнаружив источник звука, они все как один теперь смотрели прямо на меня.

Глава 1

Женя

«Если хочешь быть однажды спасенным, надо научиться спасать...»

Я услышал, как открылась пивная бутылка и кто-то жадными глотками выпил навскидку половину за раз. Повернув зеркало, я увидел довольного Толю. Его редкая белесая борода была еще в пене, которую он совсем не спешил вытирать.

– Толик, это же по-свински! – разозлился я.

Он обещал сменить меня сразу после границы. Сейчас же он пил пиво и довольно улыбался, без стеснения смотря на меня сонными прозрачными глазами.

Я вообще не понимал, как этот парень мог быть отличником. Это походило на какой-то магический трюк, но длинно-волосый хипстер без грамма ответственности учился на одних пятерки. Завидовал ли я ему? О да! Мало того, что он был чертовски хорош собой, так еще и получал от жизни все, чего хотел. Толик был полной противоположностью мне, ведь я знал, каких трудов стоит хорошая жизнь и как ни на минуту нельзя расслабляться. Как только у него получалось пить ве-

черами пиво, а утром сдавать все экзамены на отлично?! Я не знал. Он не производил впечатления начитанного или одаренного парня. Все преподаватели до единого настороженно смотрели на этого Курта Кобейна, когда тот впервые заходил в аудиторию. Но стоило ему открыть рот, как из его уст сыпались реплики, показывающие блестящее знание предметов.

Помню, был у нас один профессор, отличавшийся чрезмерной предвзятостью ко всему молодому поколению. Мы ужасно боялись его зачетов, не говоря уж об экзаменах. Я вышел радостный с тройкой, мне не надо было пересдавать и видеть этого черта в человеческой шкуре еще раз. У Толи же была пятерка.

– Как? – взбесился я.

– Что как? – не понял он.

– Как тебе снова это удалось?

– Бро, ты говоришь ребусами. Выражайся яснее... – недоумевал он.

Этот парень даже не понял, что я говорю про оценки!

– Братан, как ты получил пять?

Тот смущенно заулыбался, показав свои коварные ямочки и обнажив белые ровные зубы.

– Ты продал ему душу? Признавайся! – не отставал я.

– Ты что, о предмете? Это все не так важно.

– А что важно?

Нет, мне было крайне интересно, что же действительно важно для человека, которому все в жизни удастся. Он за-

сунул руки в карманы джинсов, которые раздражающе безупречно сидели на нем. Пожав плечами, он закатил свои выразительные голубые глаза к потолку и выдал:

– Не знаю, чувак, что реально важно. Но точно не оценки.

Чтобы купить эту машину, я работал по выходным два года на стройке. Я не питал особой любви к физическому труду, однако это было то, что могло дать мне толчок к воплощению моей мечты. Все то время я практически не общался с друзьями, не смотрел кино и толком не спал. Один раз бригада с пятницы отмечала день рождения прораба, и, чтобы выполнить субботний план и уложиться в нормативы, мне пришлось целый день одному внаклонку таскать тяжелые мешки с песком. Я заработал тогда грыжу, которая то и дело ныла, а этим вечером особенно. Она тупой болью блокировала весь поясничный отдел и отдавала в левую ногу. Возможно, мне пришлось бы тяжело с механической коробкой передач. Хорошо, что мой железный конь был оснащен по последнему слову техники, так что на трассе я не пользовался педалями вовсе. Всего пары кнопок на руле вполне хватало для поддержания оптимальной скорости и плавного торможения. У матери была хорошая мазь для спины, она быстро снимала любое напряжение в позвоночнике и приятно пахла хвоей. Я так торопился, что забыл ее. Она всегда возмущалась, размазывая пахучую смесь по моей пояснице:

– Ты гроишь себя смолоду! Куда торопиться?! Все успеется! Всех денег же не заработать...

Куда там?! Они с отцом никогда не торопились, оттого мне сейчас приходится наверстывать, отдуваясь за них. Наша двухкомнатная квартира уж давно позабыла, что такое ремонт, а обои, наверное, были свидетелями перестройки. До самого института я спал на детском диванчике, подставляя под ноги кресло, позаимствованное у гарнитура из родительской комнаты. Каждый раз, когда я ложился в это замысловатое сооружение, мысли о стильных молодежных комнатах моих друзей удручали. Я даже никого не мог пригласить к себе... Так что с первой же зарплаты на стройке я взял в кредит большой мягкий диван ярко-желтого цвета. Часто я заставлял на нем мать, она приходила с работы и ложилась ко мне отдохнуть. Отец же так ни разу на него и не присел. Этот диван, кажется, только злил и раздражал его.

– Ничего вычурнее ты не мог купить?! – возмущался он.

– Мне надо спать на чем-то! Или ты думал, что я на всю жизнь останусь пятиклассником, которому не нужна кровать побольше...

– Мы с матерью зарабатываем столько, сколько можем. Дед в твои годы в сыром окопе спал!

– Именно поэтому его уже нет в живых!

Я никогда не жалел о прошлом. В моей жизни все шло по тщательно разработанному детальному плану, который неизбежно выводил меня на путь успеха.

Пейзаж сменился. Нас окружили горы. Температура за окном стремительно падала, а дорога приобретала плавную

вити еватость. Хвойный лес буквально склонился над нами, а сквозь его макушки поблескивали снежные вершины. Я включил подогрев сидений и сказал всем пристегнуться.

Наверное, я был единственным из присутствующих, кто каждый раз, садясь в машину, пристегивался и был абсолютно трезв. Сзади раздалось два фальшивых щелчка. Ладно, в принципе мне было плевать на тех двоих, но из-за Жени меня могли оштрафовать. Я снова попросил ее пристегнуться. В ответ она лишь чмокнула губами и уставилась в окно. Уже не раз такое ее поведение становилось поводом для наших ссор. Автомобиль отчаянно пищал двадцать секунд, тщетно пытаясь призвать к благоразумию эту красивую, но упрямую девушку, и, не дождавшись абсолютно никакой реакции, так же, как и я, умолкал. Возможно, автомобили будущего оснастят сидениями с железной хваткой, которые сами смогут сдерживать Женю каждый раз, как она будет садиться в машину, но уверен она и тогда что-нибудь придумает. Сегодня, отправляясь в дальний путь, я буквально требовал с нее обещание ехать пристегнутой, и это была моя маленькая победа. Но спустя всего час дороги, обмениваясь с Галей чипсами и пивом, Женя демонстративно вздыхала, показывая, как ненавистный ремень тугой веревкой стягивает ее несчастное тело. Не видя в моих глазах понимания и не желая боле калечить молодую плоть, она снова отстегнулась. На что я просто отвернулся, устав с ней воевать.

Стараясь остыть от возмущения, я взглянул на холодные

пики гор. На фоне темного неба они горели своей белизной словно фонари. Этот контраст завораживал и манил. Мне захотелось оказаться там, на самой вершине, и взглянуть на этот бранный мир с высоты. Сопровождавший нас высокий лес изредка стал прерываться на опушки и небольшие поля. Мы сбежали из шумного города на праздники. Там уже всю цвела весна, а здесь, казалось, природа еще не проснулась. Поля темнели прошлогодней смятой травой и голыми кустами. За обочиной то и дело виднелись остатки грязных сугробов. Стекла начали запотевать, и везти становилось труднее. Конечно, именно в этот момент у Жени с Галей появилось острое желание друг друга пощипать.

– Жень, не ерзай и пристегнись, мне и без того плохо видно дорогу.

– Зачем тебе ее вообще видеть?! На ней же никого нет!

– На ней есть повороты и деревья! – возмутился я. – И, в конце концов, ты обещала...

Женя, по сути, ехала задом вперед, и я прекрасно понимал почему. Когда я предложил ей отправиться в путешествие в начале мая, она сообщила, что летит отдыхать с родителями в Италию. Но, узнав, что со мной собирается Толик, ее планы тут же поменялись. У нее, очевидно, был к нему интерес. Почему не чувства, а именно интерес? Потому что Женя и настоящие чувства – понятия очень далекие друг от друга.

Женя – красивая и яркая девушка с копной рыжих куче-

рявых волос и раскосыми голубыми глазами. Ей удавалось многое, но она всегда хотела достичь большего, и в этом мы были очень похожи. В прошлом году она получила звание «Мисс университет» и была направлена на городской конкурс. Из обычной веселой студентки она превратилась в идеал доброты, нравственности и благоразумия. Милая улыбка не сходила с ее лица, она была учтива и скромна, грациозно выполняя роль лучшей из лучших. Три месяца она жила в будущем, там, где завоевала любовь миллионов и стала воплощением красоты всего города. Но волею судеб она не вошла даже в десятку лучших, что совершенно сломило ее. Только благодаря мне она вышла из своей затянувшейся депрессии и вернулась к учебе. Тот случай и стал моим шансом заполучить такую роскошную девушку и стать ее парнем. Ни при каких иных обстоятельствах судьба бы не сделала мне такого подарка. Однако сейчас можно было с легкостью понять, что она флиртует с Толиком. Загадкой для меня, да и, впрочем, для нее самой, оставалось лишь одно – действительно ли он вызывает в ней чувства, или она снова просто пытается стать лучшей и покорить непокоряемое.

Сразу вспомнилась немая сцена ее переживаний, когда мы ехали за моим другом, внезапно сообщившим, что он будет не один. Она непрестанно крутила кольца на тонких пальцах всю дорогу до дома Толи. Когда же нам была представлена Галя, Женя не сводила с нее пристального взгляда. Ее подозрительность вскоре сменилась безудержной радостью, и

вот они уже лучшие подруги. Девушка ведь сильно уступала рыжеволосой модели. Ее худое тело, одетое в широкую байковую куртку и джинсы-бойфренды, казалось совсем подростковым. Шапка-чулок из серого трикотажа скрывала довольно короткую стрижку, а практически прозрачные брови создавали ощущение, что девушка некоторое время назад перенесла курс химиотерапии. Форма ее бледных губ была изящной и весьма притягательной, а глаз ее при первом знакомстве я совсем не запомнил. Мне всегда было неловко смотреть больным людям в глаза. Внутри отчего-то возникало ложное чувство вины, будто бы я должен был болеть вместо них. Женя, судя по всему, не страдала подобными комплексами и общалась с Галей на равных.

Думаю, весь Галин вид вселял в Женю уверенность, что та просто не пара Толе. Они, скорее всего, друзья или даже родственники. Меня же этот вопрос меньше всего волновал, хоть их крайне дружеские отношения трудно было не заметить. Они не обменивались поцелуями, не обнимались в романтическом порыве. Лишь изредка Толя бережно клал свою руку на ее хрупкие плечи.

Сказать по правде, меня даже не сильно волновало сверхактивное поведение моей девушки в отношении сидевших на заднем сидении. Такое уже происходило не раз, и я понимал, что все дело в ее желании продемонстрировать себя обществу. Хотя сначала я не на шутку озадачивался. Как-то Женю пригласили играть на сцене нашего молодеж-

ного городского театра. Она была очень рада предложению и вскоре открыла в себе актрису. Не могу сказать, что ей давались абсолютно все роли, но те, которые она действительно чувствовала, получались на ура. Ей рукоплескали зрители, прыщавые поклонники выносили на сцену букеты, а в антрактах выстраивалась очередь, чтобы сфотографироваться с ней. Вскоре я застал ее за штудированием расписаний кастингов в кино. Она не искала молодежных передач или второстепенных ролей в сериалах. Замахнувшись на грядущий фильм от знаменитого режиссера, Женя распечатала текст главной героини и принялась усердно над ним работать. Я вызвался помочь, но только раздражал ее. Она готовилась без малого две недели, упорно игнорируя мое существование. Один раз я попытался вытащить ее в кино, и она чуть не разорвала наши отношения. Устроив скандал на пустом месте, она выставила меня за дверь и не отвечала на звонки. Я сильно переживал. Ком негодования и боли подходил к горлу, лишь только я допускал мысль, что мы можем расстаться. Однако за день до проб Женя вдруг позвонила сама. Я выдержал паузу, ответив лишь на ее повторный звонок. Веселым голосом она спросила, заеду ли я за ней завтра, чтобы отвезти на студию. Я помялся, но согласился. С одной стороны, мне порой даже нравились такие отношения, где все свои шаги я продумывал, как шахматные партии, чтобы остаться с ней. А с другой – я понимал, что в нашем романе отсутствует искренность. Но что есть искренность в совре-

менном мире, который изначально построен на лжи?!

Поднявшись по высоким ступеням дворца современников, мы оказались в длинном коридоре. Вдоль стен на раскладных креслах сидели весьма привлекательные девушки, которых я без малейшего стыда принялся рассматривать. Некоторые из них тоже заинтересовались мной, за что я получил удар локтем в бок. Рядом с высокой дверью сидела еще одна девушка с бейджиком организатора. Она протянула Жене листок с номером, вписав ее имя в свой табель. Мы терпеливо ждали своей очереди. Женя не нервничала и не повторяла роль, она изучающе смотрела на каждую из конкуренток, стараясь выглядеть как можно любезнее. Она уже была уверена, что выберут именно ее, и сейчас ей меньше всего хотелось вызвать в претендентках на ее место агрессию и злословие, когда объявят результаты.

Я же, напротив, не был так уверен. Красота не является талантом, это лишь приятное к нему дополнение. Женя не была бездарностью. Нет. Она скорее не умела терпеливо шагать по лестнице вверх. Успешно пробежав первый пролет, у нее вырастали крылья, и она решала взлететь на последний этаж, минуя все эти бестолковые ступеньки. Женя набиралась храбрости и уверенности вместо того, чтобы обучаться навыкам полета. И, полагаясь на свой природный дар парить над землей, взлетала, а затем неминуемо падала. Правда, падала она не так далеко, всего с нескольких ступенек. Но оскорбленное эго заставляло ее низвергаться все ниже и

ниже. Так она оказывалась в самом подвале. Отлежавшись там и зализав раны, а также будучи уверенной, что все жители дома подсматривали за ее падением в дверные глазки, она меняла подъезд, где ее еще никто не знал, и начинала все сначала. Хотя и в новом деле все повторялось. Она совсем не умела двигаться целенаправленно к своей мечте. В ней жила абсолютная убежденность в том, что она достойна всего и сразу, но никак не постепенно. Что все необходимые навыки стать звездой в ней заложены самой матерью-природой, а приобретать их вовсе не обязательно. Да, в Жене действительно был огонь, зажигающий зрителя на первых парах. Но озорной взгляд и милые кудряшки природного медного цвета приедались, и зритель хотел чего-то нового. Дальнейшее восхождение неминуемо требовало от нее труда и трезвой оценки своих способностей.

Когда последняя девушка покинула пробы, в дверном проеме появился довольно знаменитый молодой актер. Именно в паре с ним Жениной героине предстояло пройти все горести и радости, проговорить долгие диалоги и слиться в заветном поцелуе. Он сообщил, что ответит на вопросы по фильму, пока режиссер принимает такое важное для всех присутствующих решение. Мы прошли за ним в просторный светлый холл и, взяв по стулу, образовали круг. Она никогда не смотрела на меня такими глазами, как тогда смотрела на звезду экранов. Никогда! Кажется, ее взгляд излучал свет и пускал солнечные зайчики. Он одарил своим внима-

нием каждую из девушек, не остановив ни на одной из них свой взор больше, чем на минуту. «Профессионал!» – промчалось у меня в голове.

– Недоумок!!! Кого он взял?! Нет, ты видел? Ты видел ее? – кричала она в истерике. – А этот напыщенный павлин? Он тоже ничего не понял. Или не видел! Ручаюсь, у него зрение минус пять, не меньше! Он способен разглядеть лишь собственное отражение, и то, когда целует себя в зеркало!

Ее возмущению не было предела. Вскоре агрессия сменилась депрессией, и она, уставившись в экран компьютера, даже не заметила, как я уже довольно в позднем часу вышел из ее квартиры.

Я точно знал, что Толя никогда не блефует. Он не ведет двойных игр и не покоряет девушек, чтобы самоутвердиться. Он не питал к Жене абсолютно никаких чувств, кроме дружеской симпатии, и рисковал заполучить нелестную характеристику, как только эта рыжеволосая бестия все поймет. Я ждал. Во мне даже не было ревности. Я просто ждал, когда пелена в очередной раз спадет с ее глаз, и она прибежит в единственно верные объятия, готовые принять ее такой, какая она есть. Во всех ее взлетах и падениях, депрессиях и вспышках неистовой радости, а также в тщетных попытках покорить всех и вся, я всегда буду рядом, стану для нее крепкой опорой, тем спасательным кругом, который удерживает эту девушку на плаву в ее шторме жизни.

Я включил дворники и обдуд ветрового стекла. То ли от

алкоголя, то ли от перепада температур, стекла все больше запотевали, закрывая обзор и без того темной дороги. Белоснежные пики приблизились и словно треугольные облака повисли между небом и землей в режущей глаз черноте ночи. Я засмотрелся на одну из них, как вдруг мой руль повело, а колеса заскользили.

– Жень, сядь и пристегнись, – отдернул ее я.

Дорога становилась опасной.

– Антон, да хватит уже! Это невыносимо, ты как старый дед. Мы только вырвались из универа. Дай повеселиться, наконец! – закричала она в ответ и, обратившись к Гале, повторила. – Это уже становиться невыносимым...

Мы снова ссорились. Скажу откровенно, за несколько месяцев нашего романа это мы научились делать лучше всего. Я призывал ее к порядку и адекватному поведению, она же сокрушалась, что ее самые веселые дни проходят рядом с таким занудой, как я.

Я злился. Злился и вел машину. Мне захотелось все бросить и тоже выпить пивка, но Толя уже опередил меня.

– Ты считаешь, ремни безопасности придумали для того, чтобы ограничить твои движения? – уже не выдержал я.

– О боже! – послышалось мне в ответ.

– Да включи ты уже, наконец, свои мозги. В самом словосочетании будет для тебя подсказка «ремни бе-зо-пас-ности»!

Возможно, это было слишком. Не знаю. Может, я, и прав-

да, часто давил на нее и действительно не давал развлечься, лишая ее возможности пережить поистине сумасшедшие моменты, о которых потом принято рассказывать внукам. Как знать, наверное, я и вправду перегибал сейчас палку. Мой голос смягчился, но я настаивал на своем:

– Пристегнись, это все, о чем я прошу.

Она молча с надрывом шлепнулась в свое кресло. Дернув ремень, Женя с грохотом защелкнула его, театрально приняв обиженную позу.

Судя по нависшему молчанию, в воздухе витали обида и недовольство мной. По их соображениям, я никогда не мог расслабиться по-настоящему и получать от приключений удовольствие. Как только я допустил мысль о своей неправоте, сзади меня слышались сдавленные смешки. Толя что-то показывал с видом профессионала немого кино, а Галя булькала, словно закипающая вода в кастрюле под крышкой. Мне не было обидно или больно от этого, скорее просто грустно. Грустно и обидно, что никто не в силах понять меня здесь и сейчас и хоть на время проявить уважение к моим просьбам. Я слышал, как они опустошили еще одну бутылку пива и закинули ее в багажник. Та принялась звучно кататься между нашими чемоданами, издавая запах хмеля, который, разумеется, никто кроме меня не чувствовал. Мои друзья прекрасно знали, как я не любил беспорядок и свинство в машине. Это был их протест против моего занудства, и теперь мне оставалось только стиснуть зубы и проглотить

все свои недовольства. Эти двое поняли, что я окончательно отступил, прекратил свои нравоучения, и принялись кидать в Женю орешки. Поначалу та не обращала на них внимания. Однако словно заразившись каким-то чрезвычайно опасным вирусом, к которому у меня был стойкий иммунитет, она принялась украдкой кидать орехи обратно. Когда же вирус через дыхательные пути добрался до мозга и окончательно поработил его, она мигом отстегнула ремень и полезла с щекоткой к обидчикам.

Тишина и порядок возникали, лишь когда они все дулись на меня. И только почувствовав мое безразличие, сокурсники продолжили устраивать этот балаган. Женя провалилась между сиденьями и ударила меня по рукам своей кроссовкой. Машину тотчас повело влево. Я заорал, стараясь изо всех сил вырулить на дорогу. Рывками давя на тормоз, я с трудом всего на доли секунд брал контроль над машиной, но она снова продолжала скользить, только меняя пейзаж в ветровом стекле против часовой стрелки.

– Мама, мама, мамочки! – кричал кто-то из девушек.

И лишь развернувшись на триста шестьдесят градусов, автомобиль остановился.

– Все в порядке?

– Да, мы нормально, – отозвался Толик, – только вот... Галя, Галя!!!

Я резко повернулся и увидел, как Толя трясет свою подругу, лишившуюся чувств. Вероятно, эта ослабленная девушка

от испуга потеряла сознание.

– У кого-нибудь есть нашатырь? – крикнул Толик.

Я развел руками и закрутил головой.

– У меня есть виски! – неожиданно призналась Женя и, оживившись, расстегнула свою сумку, напоминающую мешок Деда Мороза.

Достав миниатюрные копии Джека Дениелса, она поспешно открутила кукольную крышечку одного из флакончиков. Толя аккуратно взял его, но Галя очнулась еще до того, как резкий запах наполнил ее легкие. Она дернулась и приоткрыла глаза.

– Как ты? – невероятно заботливо спросил Толя.

– Что произошло? Мы все умерли?

– Нет, нет, нет... Ну что ты?! Конечно, нет, – принялся успокаивать ее мой друг.

Он необыкновенно ласково обнял ее за плечи, словно ребенка, и поцеловал в лоб.

– Просто кто-то решил отправить нас на тот свет раньше времени, – произнес я, взглянув на Женю, – но его план не удался.

– Антон, я же не специально...

– Сиди теперь там, – практически приказал я, – с меня хватит!

Из-за этой глупой выходки мы все уже могли лежать в канаве внутри разбитого авто. И что дальше? Одному богу известно. Все молчали. Понятно, что мы жутко испугались и

как-то по-особенному переживали за Галю. С нами в компании был больной человек. И даже в момент ремиссии она все же казалась слишком слабой. На мои плечи обрушилась невидимая ответственность за эту хрупкую бледную особу, и я начал всерьез подумывать, что это была не лучшая Толина идея взять ее с собой.

Немудрено было потерять контроль над машиной еще и на подобной трассе, тем более ночью, да и в такую погоду. Негодование постепенно отступало, мне не хотелось омрачать поездку, подчеркивая значимость инцидента. В конце концов, мы все были живы и невредимы, это главное. Погода ухудшалась, и я был даже рад, что Женя пересела назад. Трассу окутывал туман. Он выползал, словно живой, из низин и бросался под колеса. Уже через пять минут езды он встал в полный рост, блокируя всю видимость. Я плавно снизил скорость. Свет моих фар отражался от этой плотной белой пелены, и стало совершенно ясно, что туман был в разы хуже Жени. Она все еще молчала, и в моей голове даже пронеслась мысль попросить прощения. Но если бы я это сделал, она бы начала все по новой, не сделав ровно никаких выводов.

Вдруг впереди появилось странное свечение. Я три раза плавно притормозил и практически подполз на скорости в десять километров в час к рассеянному лучу. Примерно в пяти метрах от нас стоял автомобиль. Возможно было различить только двери и одну тускло горящую фару. Я приглу-

шил свет и включил аварийку.

– Что с той машиной? – последовал вопрос Толи в мое левое ухо.

– Я не знаю, мне видно одну фару. Думаю, их тоже развернуло, но повезло меньше, чем нам. Похоже, они врезались в столб.

– Надо вызвать скорую и полицию. – продолжал его бархатистый голос.

Галя и Женя были немы как рыбы. Толик набрал номер скорой. Я позвонил в полицию. Мой навигатор показал нашу локацию, и диспетчер ответил:

– Тридцать минут в пути, ждите.

Все произошло так быстро, что я не сразу понял – мы обнаружили место аварии. В мою голову хлынула кровь и принялась стучать в висках. Что же делать? Как поступать? Наверное, надо оставаться и ждать скорую, давать показания полиции. Но мы не видели, как все произошло, мы просто обнаружили разбитую машину. В любом случае мы здесь застряли. И хорошо, если в нас никто не врежется с этой нулевой видимостью. Сзади открылась дверь.

– Толя, ты куда? – практически хором спросили шокированные девушки.

– Там, возможно, кому-то нужна наша помощь, – коротко ответит он.

– Нет, ты никуда не пойдешь! – воспротивилась Галя. – Пусть скажут спасибо, что мы их нашли! Дальше не на-

ша забота, мы не врачи...

Она теперь сидела посередине между Толей и Женей, и я мог видеть ее лицо в зеркале заднего вида. На ее прозрачных голубых глазах накатились слезы. Она повисла у Толи на шее, уткнувшись лицом в его волосы.

– Никто не выходит, ты видишь? Мы должны помочь, даже если водитель один в машине! Мы обязаны... – мягко произнес он.

– Я не могу тебя потерять снова! Я просто не выдержу, понимаешь? – взмолилась она.

Они все-таки были в отношениях, и эта болезненная девушка питала глубокие чувства к своему возлюбленному. Лично я не думал, что мы можем потерять Толю, если он выйдет проверить пассажиров разбитого авто, но склонялся к тому, чтобы подождать профессионалов. Эти ребята уже счастливики, что мы их здесь обнаружили.

– Что значит потерять? Я иду проверить, нужна ли экстренная помощь! Если у кого-то там открытое кровотечение, то им каждая минута дорога. Это вопрос жизни и смерти, тебе ли не знать... – так ласково, поглаживая ее по трикотажной шапке, произнес он. – Если тебе страшно оставаться, пойдем со мной! Но там люди... Понимаешь? Они в нас нуждаются.

– Нет, я видела... Я видела, что ты умер! Это проклятое место. Прошу, поехали дальше!

– О чем ты? Где ты такое видела?

Девушка начала рыдать. Ее истерика нарастала, и никто из нас не мог понять, в чем причина ее столь странных слов.

– Я видела, что мы все умрем! Нам нельзя выходить из машины... Нам нельзя тут останавливаться... – не успокаивалась она.

Галя принялась пробираться ко мне, пытаюсь включить зажигание, принуждая меня начать движение. Я, в общем-то, был не против. Желания задерживаться тут надолго у меня не было. Мы вызвали помощь! Это главное!

– Послушай, я просто проверю, нужна ли моя помощь. Это две минуты, ладно? – никак не мог уговориться Толик со своим альтруизмом.

– Я сто раз видела в кино, как машины взрываются после столкновения! Не иди, умоляю. Скорая приедет и поможет им, мы не обязаны... – практически рыдая, продолжала Галя.

– Галя, пять минут назад мы могли быть на их месте. И молили бы Бога о спасении, как и они сейчас молят. Если хочешь быть однажды спасенным, надо уметь спасать других. Все будет хорошо. Давай, бери меня за руку, и пойдем поможем им.

– А если он сидит там с ножом и ждет тебя? Я видела тебя изрезанным!

– О чем ты говоришь? Ты меня пугаешь... – встревожился Толя.

Мало сказать, что ее слова были странными, они пере-

стали походить на шутки или розыгрыш, и это приводило в ужас.

– Да, я понимаю, звучит невероятно глупо... Но... Но я не знаю, я видела это, когда потеряла сознание! Ну что, к примеру, если он бандит и хочет убить нас?!

– Это глупости! Ну все, хватит, я уйду...

Я повернулся и наконец посмотрел на Женю. Она, заложив руки между плотно сомкнутыми коленями, забилась в угол машины. Ее глаза застыли где-то между стволами деревьев в густом тумане, а по щекам текли слезы. Я не знал, что с ней происходит. Была ли она в шоке от увиденной аварии, от моего жесткого тона или от внезапных новостей. В следующее мгновение я услышал, как Толя поцеловал Галю и вышел на дорогу. Покинуть машину не входило в мои планы, но я все же последовал за другом. Открыв дверь, я опустил ноги в плотный туман, который на секунды отступил, обнажив мокрый асфальт, но затем опять все заволок.

Вокруг было белым бело, обзор – лишь пара метров. Повернувшись к Толе, я увидел, как его спина скрылась во мгле. Заплаканная Галя захлопнула за ним дверь и поджала под себя ноги. Она, словно не видя никого вокруг, уставилась в ветровое стекло, заливаясь слезами от горя, имеющего гораздо больше причин, чем я изначально мог себе представить.

Вдруг грохнула Женина дверь. Я обернулся и увидел ее, идущей по дороге в сторону разбитого авто. Молча я после-

довал за ней. Уже через пару метров ее фигура тоже скрылась в тумане. Я не спешил подходить. Признаться, я невероятно боялся увидеть там изуродованные тела. И ладно, если они уже трупы, а если еще живы? О, боги! Мне тогда придется что-то предпринимать, видя море крови, оголенные кости и, вероятно, многое другое. От этих мыслей меня буквально парализовало, и я просто был не в состоянии сделать даже малейшее движение. Вдруг я с облегчением услышал тихий голос Жени:

– Толя, ну что там?

Застыв, я стал ждать ответа, который мог решить, сдвинутся ли мои ноги сегодня с места или нет.

– Тут никого нет. Машина пуста.

Я выдохнул.

– Что могло произойти? Где водитель? – продолжала спрашивать она.

– Я не знаю, но, возможно, он выполз из машины. Надо включить фонарик на телефоне и поискать вокруг. По крайней мере на сидениях я не вижу крови.

– Значит с ним все в порядке. Может, его забрала попутка?!

– А если нет? Что, если он где-то в кустах, скатился вниз и лежит без сознания, замерзает?! – не унимался Толик.

– Толя, ну как его искать в таком тумане?

– Ты предпочитаешь просто ждать? Да как вы все не поймете, возможно, он умирает! – уже не на шутку возмутился

наш отважный спасатель. – Возьми мою руку, если хочешь искать вместе, а то потеряемся, ничего же не видать.

– Толя, обними меня. Мне так страшно...

– Женя...

– Я уже давно, очень давно люблю тебя. Молчи, ничего не говори, просто позволь мне сделать то, о чем я мечтаю с самого первого курса.

– Женя, я...

– Молчи! Зачем говорить?! Я применю твои губы по-другому! – читала она свой сценарий.

– Женя, я люблю Галя! – отрезал он.

Я стоял, не двигаясь и не видя, что происходит в плотном тумане. Они оба замолчали, пока Женя не заговорила вновь, но уже более подавлено:

– Но Галя, она же... – оборвав себя, она не решилась закончить фразу.

– Больна раком?

– Это же не отношения. Это утопия! Ты же умный парень... Ты должен понимать.

– Послушай, сейчас не время и не место. Кто-то ждет нашей помощи, а ты тут со своей... – думаю, он запнулся о ее взгляд. Для него чувства этой импульсивной девушки ничего не значили, тогда как для нее в данный момент это признание было всем.

Я услышал шмыганье ее носа.

– Женя, успокойся! Иди в машину, – как-то совсем без-

различно, если не сказать раздраженно, произнес он таким тоном, что даже мне стало ее жалко. И это несмотря на тот факт, что моя собственная девушка сейчас признавалась моему другу в любви.

Он совершенно ничего не смыслил в отношениях и уж точно не знал того, что не стоит предлагать девушке успокоиться, даже если ей бы и не мешало бы это сделать. Скорее всего, Галя была у него первой и единственной, впрочем, я понятия не имел, что у него происходит в личной жизни. У Толи всегда было много друзей среди девушек. Они, словно пчелы на мед, слетались к красивому и успешному парню в надежде стать той единственной. Но ни с кем из своих многочисленных университетских подруг он никогда не был замечен в более тесных отношениях, чем просто дружба. Мои мысли прервал неожиданный крик:

– Женя, ты куда? Остановись!

Я рванул, перерезав рассеянный луч фар, в сторону леса. Сбежав со скользкой обочины в сухую замерзшую траву, я увидел ее бирюзовую дутую жилетку и копну кучерявых волос. Она стояла, отвернувшись от дороги и плакала, приложив руки к лицу. Я дотронулся до ее плеча, на что она, испуганно дернулась и оглянулась. От ее взгляда мне стало нехорошо. Ее лицо казалось совершенно безумным в приглушенном туманом свете фар: открытые голубые глаза окаймляли яркий красный ореол, а бледные губы были до крови надкусаны по краям. Невероятно впалые белые щеки даже не по-

краснели от холода, а синяя вена болезненно пульсировала у открытого виска. Ее взгляд пронзал безутешностью и уже в следующее мгновение показался мне мертвым. Я испуганно отдернул руку. Думаю, мой импульсивный жест стал для Жени красноречивей тысячи слов, так как уже в следующую секунду ее лицо исказилось болью предательства, и она рванула с места.

«Я бесконечно долго поддерживал ее во всех падениях и неудачах, принимая ее агрессию, низость слов и поведения. Почему же сейчас я не смог?» – крутилось у меня в голове, пока я бежал, ловя в тумане прыгающие фрагменты ее силуэта. Вероятно, я принимал в ней все. Абсолютно все, кроме безумства. Сама мысль, что эта неуравновешенная девушка в один день может лишиться рассудка пугала меня больше всего. Для меня она могла быть раздраженной, агрессивной, депрессивной, унылой... Да какой угодно, но только не сумасшедшей! Такой я не мог ее любить и поддерживать.

Я ничего не знал про Женину душевную боль. Единственное, что было кристально ясно – мне нужно ее догнать, вернуть в машину, дождаться скорую с полицией и возвращаться домой.

Я бежал куда-то в низину. Мои кроссовки скользили по влажным стеблям некогда зеленой сочной травы, и пару раз я чуть не навернулся. Туман становился плотнее и вот уже обволакивал меня тесным коконом. Лишь пригнутые к земле недавно сошедшим снегом гнилые стебли были моими неиз-

менными спутниками. Я не видел больше Женю, не слышал ее шагов и дыхания. Она не отвечала на мои крики и попытки вернуть ее к дороге. Обернувшись, я не различал более света фар, меня окончательно окутала темнота.

Глава 2

Шизофрения

«Шагнув туда, ты никогда не вернешься обратно...»

Темнота не давила на глаза и не превращала в слепого котенка. Полная луна где-то взошла, и я все же что-то видел в ее бледном свечении. Но мгла тупым бельмом легла на глаза, давая обзор лишь в пару метров.

– Толян, бро! Ты там?

Ответа не послышалось. Я знал, что сбегал вниз не сворачивая, значит, машина должна была быть прямо наверху. Мне нужно всего лишь развернуться и вскарабкаться к дороге. А что Женя? Оставить ее здесь?

– Антон, а где Женя? – спросят меня ее родители.

– Женя вышла из машины и убежала в лес... – скажу я. Толя подтвердит, если что.

– Почему она так поступила? – поинтересуются они.

Это разумно. Что мы должны были сделать такого, чтоб заставить девушку ночью выбежать из машины и скрыться в тумане?

– Эм, ну вы понимаете, Анжелика Владимировна, Женя просто сошла с ума...

Отлично объяснение. Они убьют меня. Уже завтра я буду прочесывать лес в поисках ее окоченевшего тела, а когда собаки найдут труп, меня посадят. Ее отец влиятельный человек. Взрывной, как и дочь. Думаю, она унаследовала безумие именно от него.

Слева послышалось шуршание.

– Жень, Жень! Ну, хватит уже, правда. Пойдем к машине. Если ты не знаешь куда идти, просто дай ответ и жди – я приду на твой голос.

Она молчала. Я шел на звук, вытянув руки вперед, словно зомби из нашумевшего сериала. Звук повторился где-то правее. Поменяв направление, я снова сделал несколько нерешительных шагов, словно слепой. По моей голой щиколотке ударила колючка.

«Будь прокляты эти штаны и низкие носки», – проревел внутренний голос.

Я старался соответствовать этой моднице, и лишь только сошли снежные шапки, принялся оголять щиколотки. Глупый образ, но другой был бы непременно ею высмеян. До Жени у меня были отличные спортивные штаны на байке повышенной удобства. Они великолепно переносили сырую погоду, скрывали мои ноги до самой обуви и создавали дополнительную тепловую прослойку из воздуха в свободных формах. Если я упаду на сырую землю в этих трикотажных с легким начесом трениках, то мигом промокну. Не успел я подумать про падение, как правую ногу повело и, не удержавшись, упал.

жавшись, я плюхнулся на свой зад, прокатившись по колючим кочкам.

Впереди возникли ровным забором темные стволы. По спине пробежали мурашки. Эти немые стражи леса что-то скрывали за своими спинами. И нечто, мелькнувшее между соснами, стало тому подтверждением.

– Жень, Жень! Иди сюда. Иди на мой голос! Я возвращаюсь к машине. Мы можем здесь пропасть, слышишь? Прошу тебя, иди ко мне. Жень, иди на мой голос!

Но все старания были напрасны. Она не отвечала и не выходила ко мне. Ну что? Что она пыталась сейчас доказать? Хотя, наверное, самое острое чувство во время депрессии – это просто пропасть, сгинуть, испариться и, вполне возможно, даже умереть. Я вырвал со злости пучок сухой травы и сию же секунду порезал руку.

– Черт побери... Зачем я с ней только связался, – непроизвольно озвучились мысли.

Я достал из кармана телефон. Зарядки было немного, да и сеть ловила всего на одну полосу из четырех. Я набрал Женю. Это был неплохой маневр, ведь когда услышу звонок, то просто побегу, схвачу ее и притащу силой в машину. Все заходило слишком далеко. Я нажал клавишу с зеленой трубкой, пошли гудки, но ничего вокруг не издало ни малейшего щелчка, мелодии или вибрации. Стало ясно – она оставила телефон в машине, и отсюда я никак не могу его услышать. Тогда я набрал Толе, но связь внезапно пропала, и мой зво-

нок перестал проходить. Скорая и полиция уже в пути и скоро приедут – тогда я услышу их сирены или увижу проблесковые огни. Надо достать беглянку из этого леса и выбираться к дороге. Пока все ясно: впереди лес, позади возвышение и дорога. А сейчас надо беречь зарядку.

Я выключил мобильник, встал и добежал по склону до ближайшего дерева. Обхватив его руками, я снова закричал: – Женья, где ты? Умоляю, отзовись! Если тебе плевать на меня, подумай о своих родителях! Ты у них одна, если тебя не станет, они сойдут с ума...

Зря я, наверное, употребил «сойдут с ума». Хотя, указывая на их возможное безумие, я как бы исключал ее собственное.

– Женья, прошу тебя, выходи на мой голос. Это не шутки, не театр и не кино. Ты совершенно реально умрешь здесь... И я вместе с тобой, – уже намного тише подытожил я.

Ступая от дерева к дереву, я, обернувшись, обнаружил, что позади меня так же чернеют стволы, как и впереди. Вдруг в стороне что-то мелькнуло, перебежав от сосны к сосне. Совершенно точно это была она. Я рванул со всех ног туда, готовый атаковать ее и силой вернуть. На середине пути передо мной внезапно вырос колючий кустарник, и, не успев остановиться, я перекувыркнулся через него. Острые ветки впились в шею и плечи. Боясь проткнуть себе руки, я старался нащупать сырую землю сквозь колючую проволоку тонких веток. Ладони повсюду натыкались на острые иглы, что ра-

нили замерзшую кожу до крови. Я, кажется, уже свыкся с болью и просто лежал, приходя в себя. Она явно слышала, как я упал и как стонал, но совсем не торопилась на помощь. Ей было плевать на меня, как, впрочем, и всегда. Глаза устали от белой пелены, и я их закрыл. Вдруг мне показалось, что я лежу в стекле разбитых окон своего автомобиля.

«О, Боже... Слава Богу, я вырулил. Все могло быть куда хуже. По крайней мере, мы все живы и целы. Пока что живи и... Надо собраться с силами, встать и идти к машине! С меня хватит!»

Рывком освободившись от объятий кустарника и пожертвовав правой ладонью, я приподнялся. Острые штыри веток впились в мягкую плоть, и в груди что-то сжалось от резкой физической боли.

– Чёрт, чёрт, чёрт... А-а-а-а-а, как же больно... Чёрт, чёрт, чёрт...

Поднявшись и осмотрев израненную ладонь, я краем глаза узрел, как впереди что-то снова мелькнуло. Мелькнуло резко, словно не было человеком. Не решаясь поднять глаза, я замер. Могла ли это быть Женя? Могла, но девушка должна была окончательно свихнуться, чтоб двигаться так продуманно, запугивая меня до нервной дрожи. Я резко поднял глаза и пристально взгляделся в белое облако, которое подобно бельму на оба глаза лишало меня возможности видеть и понимать этот мир. Впереди лишь размытые черные сосны и пустота. Вдруг из-за дерева появился силуэт. Я с силой при-

жал веки к глазам и резко открыл их, чтоб сфокусироваться и прогнать галлюцинации. Но существо, казалось, осознанно больше не пряталось, наблюдая за мной, и выглядело вполне реально.

Он был недюжинного роста – его мощные ноги заканчивались там, где навскидку начиналась моя грудь. Очертания плеч и рук виделись мне значительно мельче массивных бедер, но кроме этой странной несоразмерности, его тело покрывала шерсть. Голова была так же небольшой и вполне равнялась человеческой, однако все же в ней было что-то не так. Этот мутант двинулся, словно наклонился вперед, и теперь я мог различить его крученые рога, позаимствованные у горного животного. Мое тело похолодело, а страх обрушился камнепадом из самой груди в низ живота.

Не понимая, кого я сейчас увидел и насколько существо реально, я кинулся бежать со всех ног. Почти не видя, куда ступаю, я спотыкался о внезапно выросшие из-под земли волуны и кустарники. Сухие ветки впивались в волосы, и я вздрагивал от ужаса, предполагая, что он догнал меня и схватил цепкой хваткой. Я рванул вправо, вырвавшись из сосновых когтей. Потом ринулся прямо, когда наткнулся на острые непроходимые заросли, и в конечном итоге полностью потерял ориентацию в пространстве.

Наконец, успокоившись, я замер. Вокруг было тихо. Проглянув размытые очертания деревьев, я опустил на корточки и закрыл лицо руками.

Что это было? Если в лесу бродит чудовище, что-то среднее между человеком и животным, то вполне возможно, что Жени уже нет в живых. В какой стороне дорога, я не знаю. Даже надолго задержав дыхание, я не могу услышать ни единой сирены скорой помощи или полиции, ни единого крика или гудков автомобиля. Если они не ищут меня, то, возможно, они все мертвы.

Перед глазами застыл полный ужаса взгляд. Галя каким-то непостижимым образом все видела. Она точно знала про смерть больше нас, и мы самонадеянно ее не выслушали. Я где-то слышал, что люди, оказавшиеся на границе жизни и смерти, начинали чувствовать этот мир по-другому. Порой они видели незримых обычному человеку существ. Порой ангелов, порой бесов, но чаще всего неупокоенных духов. Бывало, им являлись видения, и вспышками они могли узреть картины будущего. Очевидно, она почувствовала это странное место намного острее нас, тщетно пытаясь удержать Толью в машине.

Мне надо было бы послушать ее, умчаться дальше и проехать этот страшный лес. Она отключилась там, в машине, и ей пришлось видение. И судя по всему правдивое. Если Галя видела Толью мертвым, то, видимо, он и в самом деле уже мертв. Сама же она на моих глазах заперлась в машине, и, стало быть, еще жива. Она расскажет полиции, что мы в лесу. Возможно, они найдут меня, исцарапанного беглеца и Женин истерзанный труп. Галя, даже если жива, вряд ли что-то

видела из-за тумана. Что ж, если мутант не будет обнаружен, его следы или другие признаки присутствия, то единственным, кто мог всех порешить, окажусь я. Водитель разбитого авто может стать моим спасением, если он еще жив, разумеется.

Я заплакал от безысходности. Если не умру, то сяду в тюрьму пожизненно. В лучшем случае мне светит лечебница после рассказа об увиденном.

Все эти мысли убивали изнутри, но больше всего ранила одна из них, которую я отгонял пуще других. Это была моя самая страшная фобия, которая грозила претвориться в жизнь и уничтожить во мне того, кем я себя считал. Подобно проворному червю эта единственная идея прогрызла меня, словно яблоко, и вот подобралась к самому сердцу, окончательно в нем поселившись. Что, если я сошел сума? Не Галя, не Женя, а я?!

– Шагнув туда, ты никогда не вернешься обратно, – произнесла тетя Маша.

Ее большие синие глаза показались не на шутку встревоженными.

– Не улыбайся, мальчик, сойти с ума – это поистине страшно. Более того, ты никогда не поймешь, что это уже произошло с тобой. В этом и заключается все коварство сумасшествия. Люди вокруг будут казаться странными, в их поступках не найдется логики, их поведению не будет оправ-

дания, но на самом деле именно ты окажешься сумасшедшим.

– Да нет, я верю. Просто вы так говорите, будто это хуже смерти, – обронил я.

– Антон, потерять себя намного хуже смерти. Почему, ты думаешь, клиника, подобно тюрьме, в решетках? Сумасшедшие не могут убежать через окно пятого этажа, но могут из него выпрыгнуть, потому как более не в состоянии жить в мире, который они не способны разделить с родными и близкими. Их реальность отличается от реальности общества, и переступить обратно этот порог они уже не могут.

Мамина родная сестра тетя Маша – невероятно приятная и красивая от природы женщина. Но работа врачом в психиатрической клинике сильно отличала ее от других симпатичных женщин сорока лет. Ко всему у нее не было ни семьи, ни бойфренда, хотя не знаю, применим ли этот термин к людям средних лет. Помимо сверхэмоциональности, помехой на пути к счастью могли служить истории из больничной практики. Ее рассказы о пациентах порой выходили за рамки уместного, и отец, закрывая за тетей Машей входную дверь, каждый раз подшучивал – хороший работник пропитывается своим ремеслом насквозь.

– Антон, они действительно видят бесов, понимаешь?!

Я ошпарил палец, наливая ей чай.

– Но ведь бесов не существует, – тщетно выводя диалог в русло разумного, я сел рядом и подул на горячий напиток.

– Откуда нам знать, что существует, а что нет, – тетя Маша последовала моему примеру. – Мы выписывали одну пациентку, что слышала голоса в голове. По сути, шизофрения не лечится, но залечить ее на время можно. Голоса затихают. От злостных приказов они переходят к тихому шепоту, который уже вполне можно контролировать. И это все, что мы можем сделать для больных шизофренией. В редких случаях они способны договориться с голосами. И лично я знаю всего пару больных, которым удалось прогнать шепот навсегда.

Моя тетя отпила ароматный чай и начала рассказ...

«Она сидела в моем кабинете на выписку. Ее жилистые руки перебирали стежки по краю пижамы, а глаза спокойно смотрели в заключение.

– Как ваши голоса? Вы же, бывает, еще говорите с ними? – спросила я, пытливо взирая исподлобья.

– Не буду сочинять, Мария Павловна, я все еще их слышу, – тихо произнесла пациентка.

– Так как же мы будем вас выписывать? – я демонстративно положила шариковую ручку на стол.

– Я научилась с ними договариваться, – быстро и четко ответила она, – хотя, склоняюсь, будет неуместным называть один голос множеством.

– Лукреция, что вы хотите этим сказать?

– Раньше их было пять, сейчас остался один, – протараторила девушка, избегая зрительного контакта.

– Это неоспоримый прогресс, – я не скрывала радость. –

Но нас интересует, не остался ли самый агрессивный из всех. Вы же понимаете?

– Несомненно. И я с уверенностью могу сказать, что остался самый разумный и логичный.

– Как же это проявляется? – сощурилась я.

– Ему не нравится сидеть взаперти, и мы договорились вести беседы поздней ночью. Днем же он не появляется вообще, – голос Лукреции дрогнул, выдавая волнение.

– О чем же вы беседуете... поздней ночью, если не секрет? – не меняя тон я расспрашивала Лукрецию. Ее зрачки более не бегали. И даже учитывая, что она не могла переносить мой взгляд дольше нескольких секунд, Лукреция вполне могла концентрироваться на ровных стежках, репродукции Босха на стене справа и узоре ковра.

– О жизни и смерти, о добре и зле, о вечных человеческих ценностях.

– Правда? – я не смогла скрыть удивления. – Кто говорит больше в ваших ночных диалогах?

Было видно – Лукреция сильно замешкалась с ответом. Но вскоре довольно рассудительно заявила:

– Я, я говорю больше. Но когда я прошу его рассказать мне что-то, он говорит достаточно много, рассказывая удивительные истории.

– О чем эти истории? – захлопнув папку с историей болезни, заинтересовалась я, уже практически уверенная в выписке. Мы не можем держать всех шизофреников, их слиш-

ком много. Поэтому пациенты с вялотекущей шизофренией по желанию родственников может покинуть больницу. Нам всегда кажется, что сумасшедшие в первую очередь опасны для общества, но этот не так. Чаще они наносят вред себе и намного реже другим.

– Это истории человечества, – Лукреция задержала свои чайные глаза на моем врачебном халате дольше обычного.

– Простите?

– Рассказы из истории народов. О войнах, о предательстве, смерти, насилии... Об ужасах прошлого.

Я снова открыла бледно-сиреневую папку. Родители историки. Оба доценты исторического факультета.

– И что вы чувствуете, слушая эти рассказы? Они вас удручают? Злят, возможно, оскорбляют?

– Они не вызывают во мне ничего из всего вами перечисленного. Я историк, как и мои родители, и мне важно знать правду. Поэтому я просто записываю.

Это походило на правду.

– Можно я взгляну в ваши записи?

Моя пациентка наблюдалась у другого врача, и только пару месяцев назад была переведена ко мне. Хрупкая женщина вытащила из матерчатой сумки стопку общих тетрадей. Почерк первой из них выглядел довольно округло, что вселяло надежду. Буквы правильно наклонялись вправо, практически не имея острых углов. Общее полотно письма совсем не резало глаз, если б не отсутствие разделения на предло-

жения. Я не нашла в тексте ни одной точки, а соответственно ни одной заглавной буквы кроме имен. Самым частым знаком препинания являлось тире. Оно приходило на помощь в любой попытке завершить мысль и разделить структуры. Было понятно, что Лукреция хорошо училась в школе и много писала в своей жизни. Остальные странности являлись довольно естественным для человека больного шизофренией, ведь дословно болезнь переводится как расщепление сознания. Именно поэтому больной тщетно пытается соединить все воедино, избегая использование разделительных знаков. В борьбе не потерять целостность восприятия мозг больного может даже объединять несколько слов в одно невероятно длинное. Глаза словили несколько одиночных предлогов, соединенных в слова, но и это было для моей пациентки более чем нормально. В общей сложности это был текст больного, не имеющего склонности к агрессии и насилию, что, собственно, я и пыталась для себя прояснить.

Вдруг в самом низу в середине слова проскочила латинская «t». Перелистнув страничку, я с удивлением теперь наблюдала ее все чаще. Она множилась, а слова с включением иностранной буквы выделялись более размашистым импульсивным письмом.

– Здесь есть тетради, когда с вами говорили все пятеро? – поинтересовалась я.

Мне было важно определить разницу ее внутреннего состояния между «тогда» и «сегодня». Когда хрупкую Лукре-

цию впервые привезли к нам, она меняла голоса и угрожала расправой всему персоналу. Девушка бесконечно спорила и противоречила сама себе. Закрывая уши, она кричала, чтобы все четверо говорили по очереди и не гневили пятого. Часом ранее она напала на своего отца с ножом, обвиняя его в лжесловии. А часом позже Лукрецию заперли в клинике на полгода. Однако уже два месяца пациентка не проявляла признаков агрессии, вела себя вменяемо и говорила только от своего имени.

– Вот эта, бордовая. Там немного напутано, надо будет заново переписать. Они кричали, перебивая друг друга, – застенчиво обронила пациентка и, выложив передо мной вишневую тетрадь с помятыми краями, села в прежнюю позу.

Моя правая рука дрогнула. Уже привычная глазу кириллица без заглавных букв и знаков препинания теперь кишела буквами из различных языковых групп. Тут были и «о», увенчанное двоеточием, и «с» с волнистым хвостиком внизу, а так же «а», коронованная галочкой. Реже встречались иероглифы и клинопись.

– Вы уверены, что сможете расшифровать этот текст без посторонней помощи? – смутилась я.

– Конечно, я же историк! – натянуто улыбнулась Лукреция.

Что ж, на мой взгляд, прогресс был налицо, и за шесть месяцев лечения у нас душевнобольная, судя по всему, смогла договориться с собой. Я поставила дату и подпись на выпис-

ке.

Нажав одну из кнопок под столом, я вызвала санитаря проводить ее. Вскоре дверь отворилась, и высокий парень прошел к столу. В коридоре замелькала белесая голова – там ожидал следующий пациент. Проходя мимо, Лукреция на секунду взглянула в его глаза и тут же потупила взор, плотно прижав к груди сумку, полную уникальных знаний.

– Она, она... Нет, вы видели? – вскрикнул немолодой мужчина. Его привели в смиренной рубашке, из которой он принялся вырываться, как только они поравнялись в дверях. Пациент плюнул вслед уходящей Лукреции и уже в следующее мгновение запричитал монотонную молитву, разбрызгивая слюну вокруг рта.

Седые взъерошенные волосы невероятно его старили, хотя в истории болезни значилось каких-то тридцать шесть лет.

– Развяжите меня! – почти приказал он.

– Прошу вас, присядьте, – игнорируя его просьбу, я указала Станиславу на стул.

– Тогда вытрите мне бороду, – взирая на санитаров, он попросил уже более спокойным тоном.

Крепкий парень снял с шеи полотенце и вытер больному лицо.

– Только не говорите, что вы ее выписали?! – пациент резал взглядом.

– А что вас удивляет? Она, между прочим, уже давно ведет себя намного спокойнее вас! – словно разговаривая с ма-

леньким ребенком, я погрозила Станиславу пальцем.

– Вы что, вправду не видели?

– Что именно?

– Как исказилось ее лицо?! – неподдельно нахмурилася он.

– Нет, мы ничего не видели, но вы нам можете рассказать. Возможно, в следующий раз мы будем более внимательны к мелочам.

– Простофили! – мужчина с надрывом выдохнул в сторону. – Как можно быть настолько слепой?

– Если продолжите без оскорблений, я буду вам крайне признательна...

– Да в ней же демон сидит! Вы чего, люди?! Ее привязать к кровати надо и вызвать батюшку, а не выписывать...

Станислав поседел не зря. Он постоянно видел одержимых бесами людей и, будучи на свободе, даже пытался их изгонять. Когда его доставили в клинику, при нем были бутылки со святой водой, огромный серебряный крест и изображения различных святых. Он смог бы найти в наших стенах мир, вдали от шумных улиц и греховных падений. Однако оказалось, что, по его мнению, практически все душевнобольные одержимы нечистыми, и его нахождение среди бесноватых было самым неудачным (из всех возможных) стечением обстоятельств.

Посреди ночи раздался звонок.

– Доброй ночи, Мария Павловна, Лукреция Дмитриевна

Шульц ваша пациентка?

– Да, что-то произошло?

– Ее родители. Сорок восемь ножевых ранений, оба скончались на месте.

У меня похолодели руки.

– Номер отделения, я еду...

На четыре было назначено собрание. Оно не определяло судьбу Лукреции, ей вряд ли теперь светило покинуть стены больницы. Но оно определяло мою судьбу как практикующего врача-психиатра. Я не боялась потерять работу, но я изо всех сил пыталась понять, как такое могло произойти. Как вялотекущая шизофрения спустя всего неделю могла превратиться в параноидную. Как Лукреция могла нарушить все допустимые границы разумного и зарезать своих собственных родителей посреди ночи, пока те мирно спали. Затем она позвонила в полицию и чистосердечно призналась, рыдая в трубку и задыхаясь от горя.

– Мария Павловна, вы готовы? Из министерства будут через 10 минут. Следователь уже приехал, – сообщила ассистент.

– Я хочу, чтоб на собрании присутствовал Станислав, мой пациент, – произнесла я напряженно потирая лоб.

– Но если он опять будет...

– Если будет опять, то уведем, – перебила я. Та закивала головой и оставила мою дверь приоткрытой.

Перед глазами стоял вчерашний вечер. Я шла по тускло-

му коридору, наполовину выкрашенному в неприятный зеленый цвет. Нутро не покидало ощущение, что из высоких больничных окон за мной кто-то непрестанно следит. И даже крепкие решетки не в состоянии остановить этот невидимый пристальный взгляд. Он мог проникнуть куда хотел. В любое помещение, в любой уголок земли и в любую голову... В любую душу. Мне стало не по себе. Я ускорила шаг. Была ли я верующей или атеисткой? Работая здесь, мне приходилось быть и той и другой. В медицине намного больше необъяснимого, чем непосвященный человек может себе представить. Начиная от чудесных излечений силой убеждения, заканчивая моментальным облегчением тела на двадцать один грамм, когда мозг умирает. Так вот, в психиатрии странностей гораздо больше, чем во всех медицинских отраслях вместе взятых. Больной душе невозможно дать таблетку. Точнее дать таблетку можно, но не стоит надеяться, что препарат фармакологической промышленности проникнет в самую душу и излечит ее.

Тяжелые замки отворились, и я прошла в узкую палату. Поняв по мускулатуре лица, что Станислав притворяется спящим, я прошагала в конец комнаты и опустилась на одинокий стул. Глубокий вздох просигнализировал пациенту о моем желании начать разговор.

– Не страшно одной в изолятор? – Станислав не спешил открывать веки.

– Если б я видела бесов, мне меньше всего хотелось бы

делить с ними одну палату. Если б вы не вели себя буйно по отношению к другим пациентам, то были б сейчас в общей. Ну а если б не пытались изгонять из людей нечисть, ходили б на свободе.

– Кто, если не я? Вы же настолько слепы, что ничего не видите.

– Вы правы, я не вижу их лиц, но я вижу их труды. И мне приходится с этим жить.

Он приподнялся на кровати.

– Ваша пациентка кого-то убила?

– Вам не составило труда догадаться исходя из моих слов или того, что вы в ней увидели?

– Назовем это интуицией, – улыбнулся Станислав. Довольно приятно улыбнулся.

А мне, как никогда, захотелось послушать подробности этого видения, и я инстинктивно постаралась придвинуть к Станиславу привинченный к стене стул. Он усмехнулся, я расплылась в улыбке, и напряжение между нами заметно спало. Невысокий и крепкий мужчина в серой пижаме сел на кровати и прислонился к стене. Теперь я видела его исключительно в профиль не имея возможности словить всех физиогномических изменений, если пациент намеревался сокрушить. Но отчего-то мне не особо хотелось копаться. Работая с ним без малого две недели, я еще ни разу не поймала Станислава на лжи – он искренне верил всему, что видел. Возможно, именно по этой причине в расцвет сил он сидел

в одиночке психбольницы, седой словно старик.

– Если в человеке бес, то, сосредоточившись на точке между бровями, можно узреть лик подселенца. Он появляется как наложение полупрозрачного снимка на человеческое лицо. Если в несчастном несколько бесов, то они сменяют свои обличия – их жуткие лица меняются как слайды.

– И я могу их увидеть?

– Да, можете! Тем более вы уже поверили в их существование.

– Но у вас не было времени сосредоточиться на Лукреции. Несколько секунд в дверном проеме... Неужели хватило?

– Вы правы. Я их вижу по-другому. Для моего взора демоны искажают человеческий взгляд, говоря мне то, чего не говорят другим. Они чувствуют меня, знают, что я их вижу, поэтому не прячутся вовсе. Эта хрупкая девушка, она... – он на несколько секунд замолчал, словно припоминая момент их встречи.

Я раздосадованно улыбнулась и опустила голову. Внезапно мой разум восторжествовал, и я перестала верить этой театральной попытке вспомнить Лукрецию. Он непременно должен был ее помнить, где еще этот чудаков мог видеть обилие бесноватых, сидя один в четырех стенах.

– Что вас смутило? – мгновенно отреагировал больной. Он резко повернул голову и уперся в меня строгим взглядом.

– Я уверена, вы помните Лукрецию, и без труда могли бы воспроизвести свое видение, если оно, конечно же, не плод

вашего воображения. Она последняя, кого вы видели за прошлую неделю из пациентов.

Станислав громко расхохотался, а вскоре сквозь смех добавил:

– Пока вы будете считать веру чем-то ограничивающим ваше понимание мира, вместо того, чтоб расширять его, так оно и будет.

Я второй раз была смущена. Станислав атаковал с неожиданных сторон, и это заставляло мое сознание, словно тягучую ржавую телегу, медленно, неохотно, но все же катиться.

– Лукреция далеко не последняя из одержимых, кто говорил со мной на этой неделе.

После этой фразы я сжала губы, пожалев, что пришла сюда. Но уже в следующее мгновение он произнес нечто, заставившее меня вновь опуститься на стул.

– Далеко не все запертые одержимы. Так же, как и там, – он махнул головой на дверь, – найдется парочка подверженных демоническому влиянию.

– К вам приходили посетители?

– Нет, друзей почти нет, родные от меня отвернулись. Но Олежкин дьявол говорил со мной.

Санитар, работающий в этом крыле, некогда был переведен к нам из престижной частной клиники. Его практически уволили за жестокое избиение одного сложного пациента, но Олег смог найти связи и без записей в трудовой вернуться к работе у нас. В момент задержания он говорил, что ночью в

него вселился сам дьявол и заставил делать то, чего он сам не желал. Позже парень отказался от своих показаний и практически чудом избежал наказания. Ко всему он не выбрал другую сферу деятельности, а снова пришел к психически нездоровым. Да, этот качок не был особо отзывчивым и милым человеком, но для работы в здешних условиях выдержка, физическая сила и опыт работы были куда важнее доброго нрава. Как Станислав мог узнать такие деликатные подробности жизни Олега? Как знать, возможно, тот сам поведал ему. Тем не менее, мой интерес к разговору получил некую подпитку, чтоб снова разгореться.

– Почему Лукреция показала вам свое истинное лицо? Разве не разумнее было сохранить своего демона в тайне хотя бы в день выписки!

– Она не знала, что я их вижу. И пройдя мимо, ее бес проявился во всей своей красе.

– Как он выглядел? – я все-таки наклонилась вперед, чтоб следить за ним в момент рассказа.

Мужчина устремил взгляд в правый угол комнаты, стало быть, он находился в полной уверенности, что все им увиденное является правдой. Его руки спокойно лежали на животе, а ноги расслабленно свисали с кровати. Ни одно из движений не выдавало нервозности и напряжения, а значит, мозг вспоминал, вместо эмоционально затратного для психики придумывания.

– Ее глаза на миг расширились и стали больше обычно-

го. Они будто искусственно растянулись в стороны, а черные зрачки разрослись и затмили собой глазные белки. Нос втянулся внутрь и практически исчез. Кожа приобрела серый оттенок, а рот в секунды разверзся пастью – пастью полной острых клыков. Они нарастали друг на друга, словно дикие лианы, сквозь которые разветвленной синей лентой извился демонический язык. Извился прямо к моим губам, а через секунду пасть растянулась в злорадной улыбке.

Я встала и подошла довольно близко, нарушая его личное пространство.

– Демон смог понять, что был увиден?

– Не думаю, – он замотал головой. Обычно лгуны, отчаянно утверждая, всячески избегают подобных жестов. – Только лишь если...

– Что?

Я низко наклонилась и заглянула ему прямо в глаза.

В ответ он заглянул в мои. Зрачки были нормального размера, а глазные мышцы лишены свойственного лгунам подрагивания.

– Только лишь если слышала, что я кричал там, в вашем кабинете как ненормальный.

Мы снова засмеялись.

Станислав говорил чистую правду. Даже тогда, когда душевно здоровые люди вокруг меня врут примерно три раза за десять минут по любому поводу, этот человек говорил правду. Чтоб там не случилось между ним и Лукрецией, гла-

за Станислава действительно видели демона.

– Зачем проверять меня? Не лучше ли проверить саму Лукрецию?

Я сомкнула руки и, прогуливаясь по палате большими шагами, произнесла:

– Вы знаете, что такое какодемономания?

– Мой диагноз?

Только сейчас я отметила его чувство юмора и сдержанную, но притягательную улыбку.

– Нет, – я снова непроизвольно улыбалась. – Но это может быть диагнозом Лукерции. Больные какодемономанией искренне верят, что в них вселился дьявол. Они реагируют на святыни, на предметы христианства, угрожают от имени бесов и самого Люцифера, меняют голоса и мимику. Они бьются в припадках, услышав чтение молитв, имитируют конвульсии и спазмы. Нередко нападают на священнослужителей, наносят себе и другим серьезные увечья.

– Но если Лукреция не будет знать о том, что вода в ее стакане святая, а снизу к стулу привязан серебряный крест?

Я остановилась, запустив тонкие пальцы в копну каштановых волос. Станислав тем вечером не только заставлял меня улыбаться, он заставлял меня думать по-другому, а значит и действовать иначе.

За долгое время практики в психиатрии я видела массу вещей, которые никак не входили в рамки чисто научного объяснения, и каждый раз я их туда насильно впихивала. Так

поступают все психиатры, я не была исключением. В нашем нелегком деле не принято оставлять вопросы без ответов. Мы часто заставляем себя поверить, что все необъяснимое не что иное, как неизвестные постсиндромы уже известной нам болезни.

Мы вошли в зал заседания. Просторная и светлая комната была неприветливо затемнена. Одна из прозрачных белых занавесок в углу металась от сильных порывов ветра, знаменующих начало грозы. Круглые люстры на увесистых цепях медленно раскачивались, как только кто-то входил и давал разгуляться сквозняку. Я поздоровалась со следователем, лысоватым грузным мужчиной, и направилась к отдельному от комиссии и пациента столу. Не успев присесть, я впервые после выписки увидела Лукрецию – она спокойно заходила в зал. Ее темные тонкие волосы были аккуратно собраны на затылке, а невыразимо бледное лицо выдавало глубокие переживания.

«Что я делаю? – пронеслось в голове. – Она больной человек...»

По моему указанию завтрак этой девушки с утра был сильно пересолен, а вода нечаянно разлита санитаром. Торопливо зашагав к своему месту, она потянулась дрожащей рукой к прозрачному стакану, полному живительной влаги, но не смогла до него дотронуться. В двух сантиметрах от стекла худая рука, испещренная вздутыми венами, внезапно застыла. Ее брови заметно нахмурились, а из-под них ту-

пой чернотой расплзлись чуть заметные тени. Она оперлась двумя руками о стол и исподлобья по кругу осмотрела всех присутствующих. Я нервно заторопилась сесть за стол, изображая занятость.

Лукрецию привели всего на несколько минут. Ей необходимо было ответить на простые вопросы: как она относится ко мне, как к лечащему врачу, испытывает ли гнев и ярость после встреч со мной, и о чем мы разговаривали, когда записи на диктофон не велись. В зал вошла комиссия и опекуны девушки. Все сели. Все, кроме Лукреции.

– Садитесь, – прозвучал стальной голос главврача. Он указал выпрямленной рукой на единственно стоявшую пациентку.

Она уперлась взглядом в стул. Ее рука автоматически поднялась к голове и принялась медленно царапать висок. Жест нервного напряжения, отвлечения внимания, решения первостепенной проблемы. Возможно, именно сейчас она слышит голос. Приказ. Команду.

– Я не могу, – отрезала девушка.

– Почему? – с задержкой оторвав свой взгляд от бумаг, спросил главврач.

– Мое тело невыносимо болит.

– Вас что-то беспокоит? Вы хотите пройти обследование?

Я все еще не поднимала глаз, боясь себя выдать. Всего пятнадцать минут назад я прошла в этот зал и примотала скотчем к обратной стороне ее стула серебряный крест, что

был изъят у Станислава, когда тот поступил к нам. Там же я нашла святую воду, которой наполнила ее стакан.

Она все еще молчала, пауза затянулась. Тогда я подняла глаза, будто с трудом отрывалась от ужасающих подробностей последствий ее тяжелой болезни. Она смотрела на меня в упор. Ее карие глаза полностью растворились в нарастающей черноте. Остальные черты лица расплылись, исчезнув вовсе. И только темный, как бездна рот, растянулся в угрожающей ухмылке. Время остановилось – тяжелые лампы замедлили раскачивание, а прозрачная белая штора театрально развилась, впуская в зал вместе с ветром нечто злое. Это видение полностью парализовало меня. Что сказать, я была отличным психиатром, но никудышным экзорцистом. Уже в следующую секунду черные дыры глаз сжались в темные блестящие точки, а лоб неимоверно вытянулся, давая возможность различить два возвышения – удлиненные шишки. Нос превратился в заостренный отросток, а губы вязко слиплись, словно на кожу брызнули кислотой. Меня бросило в жар. Я спрятала полный ужаса взгляд в бумаги. Но следующее, что я услышала, приказало моему телу дрожать.

– Ма-а-а-ша... – словно из преисподни позвал гулом ветер.

– В стенах этой больницы надо мной издеваются, – раздался полный решимости голос. – Из ночи в ночь я терплю унижения.

Я резко подняла взгляд на Лукрецию.

– Какие? – следовательно прочистил кашлем горло.

– Санитары насилуют меня, а мой лечащий врач, Мария Павловна, за этим наблюдает.

Собрание было прервано. Лукрецию повели в медицинский кабинет на обследование. Я вышла из зала, ощущая невыносимую ломку во всем теле.

– Почему не привели Станислава? – обратилась я к стоявшей у стены ассистентке.

– Мария, он умер этой ночью.

– Что? – голова закружилась, мне всерьез показалось – я сейчас упаду.

– Остановка сердца.

– Когда? Когда это случилось? – я мотала головой не веря ей.

– Время смерти три тридцать, – она заглянула в тонкую папку.

Не помня как, я обнаружила себя стоящей перед его палатой. Дверь была открыта. Внутри слышался шорох, и, войдя, я буквально наткнулась на санитару Олега. Он держал в руках покрытый пятнами полосатый матрас и выглядел слегка растерянным. Мы сухо поздоровались, и я прошла к стулу, на котором еще вчера вечером сидела, разговаривая с больным. А был ли он болен? Либо же я была слишком слепа, чтоб узреть реальные причины его болезни.

– Еще вчера Станислав был жив. Он был не только моим

пациентом, но и глубоко верующим христианином, – обратилась я к уходящему санитару.

– Да, очень жаль. Стас был болен не только душевно, – Олег обернулся в дверях.

Уголки его рта слегка подрагивали – он был доволен собой, стараясь всеми силами не выдать улыбку. Пары секунд вполне хватило, чтоб сосредоточиться и постараться узреть его беса. Человеческое лицо словно расплылось, уступая место дымчатому очертанию. Так уверенно начав, я вдруг перевела взгляд на пустую панцирную сетку кровати. Увидеть за час более трех демонов грозило мне в один прекрасный день засесть в одной из таких палат, надев серую пижаму вместо белого халата. Я закрыла рукой глаза и произнесла на выдохе:

– Олег, простите меня. Слишком много смертей за последнюю неделю. Вы можете идти, я задержусь на минуту.

Он молча вышел. В мыслях ожил образ Станислава. Белесые волосы и не по возрасту отросшая борода. Сейчас он сидел передо мной, словно святой. Вчера мне как женщине было комфортно в его окружении и как-то по-особенному спокойно.

«Если б при других обстоятельствах...» – пронеслось в голове.

Меня отстранили от врачебной практики на несколько недель. Заявление Лукреции не подтвердилось, но я, само собой, отказалась от ее дальнейшего лечения.

Предположительно в ней было около пяти бесов, согласно истории ее болезни. Прочитав невероятные рассказы по их изгнанию, я не решилась предложить столь альтернативный вариант лечения ее родственникам. Я предпочла забыть о ней, Олеге и даже Станиславе, но если кто-нибудь когда-нибудь спросит меня, видела ли я в лицо настоящего беса, то моя физиогномика выдаст ложь, если в ответ я произнесу уверенное «нет»...

Глава 3

Гленамар

«Страх за свою неповторимую шкуру обезображивает человека...»

Телефон с трудом включился и выдал отсутствие сети. Я нажал экстренный. Пошел вызов. Затаив дыхание, я с надеждой ожидал ответа, но долгие гудки отзывались отчаянием и, кажется, длились целую вечность. Вдруг экран погас. Погас насовсем.

– Черт, черт... Да что ж такое... Дьявол!

Кто-то схватил меня сзади и повалил на сырую землю.

– Тишь, тишь. Тихо! Еще его нам тут не хватало, – незнакомец в спешке шепнул мне в ухо.

Я попытался вырваться, но хватка усилилась, и раздалось глухое «ч-ч-ч-ч».

Где-то впереди слышался шелест сухой травы. Эти шаги звучали невыразимо странно. Мне показалось, что кто-то надел лыжи и решил прогуляться на них по лишенному снега лесу. Над туманом между размытыми стволами возвысились закрученные рога. Маленькая голова с глазами из черного блестящего стекла повернулась в нашу сторону. Мое сердце

заколотилось, а лоб обильно вспотел. Из его животных ноздрей вырвались струи пара, и я прекратил дышать вовсе, опасаясь, что он услышит или увидит нас.

Мы замерли. Он сделал пару тяжелых шагов своими массивными копытами и повернул в противоположную от нас сторону. Руки онемели. Я больше не пытался вырваться, и мой спаситель ослабил хватку. Затаившись еще на несколько секунд, я все же не выдержал и резко обернулся. На меня спокойным взглядом голубых глаз смотрел немолодой мужчина. Его волосы тронула седина, а немолодое лицо покрыла сетка морщин. Одетый в охотничью толстую куртку, он держал в руках автомобильный клетчатый плед.

– Ты кто? – забыв о такте, выпалил я.

– Алексей! – коротко ответил он и протянул руку.

– Антон, – пожал ее я. – Ты его тоже?..

– Да, видел.

– Твой телефон?..

– Разбился в машине...

Я тяжело вздохнул.

– Кто он такой? Или точнее, что он такое?

– Я не знаю, на самом деле, – ответил мне не уступающим по глубине вздохом незнакомец.

– Одно радует, что я не сошел с ума.

Алексей встал, отряхнул колени и протянул мне свой плед:

– Я вижу, ты замерз. Можешь набросить.

Укрывшись коротким дорожным покрывальцем, я вдруг почувствовал, что продрог до костей. Это место оказалось в разы холоднее, чем я предполагал. Да и предполагал ли? Выходить из машины где-то в горах ночью никак не входило в мои планы.

– Что ты тут делаешь? – обратился я к новому знакомому.

– Ищу внука, – огляделся старик.

– Что случилось?

– Я забирал его на праздники. Судьба разделила нас странами, и единственный путь увидеться лежит через эти горы и пограничный пункт. Я часто здесь езжу и знаю, какие сюрпризы выдает на этой дороге погода. Мы ехали с предельно допустимой скоростью, он задремал. На перевал опустился туман. Только я подумал притормозить, как вдруг что-то огромное выбежало на дорогу. Рванув руль в сторону, я даже не понял, как нас закрутило и выбросило с трассы. Когда я очнулся, его уже не было рядом. Ни о чем не думая, я рванул за ним в лес. Я кричал, что есть сил, но он не отозвался. Зато мои крики привлекли кого-то другого. Убегая и прячась, я нашел наш автомобильный плед прямо здесь, у этого дерева. Им укрывался мой внук, когда спал в машине.

– Сколько ему?

– Двенадцать.

Я с досадой наклонил голову и почесал затылок:

– Ты не думал, что этот монстр мог...

– Я стараюсь об этом не думать, – подняв подбородок вы-

ше, он сжал зубы, словно сопротивлялся сильнейшей внутренней боли. – Нам надо двигаться, мы можем здесь замерзнуть. Я неплохо знаю этот перевал – тут в девяти километрах деревня.

– Идти? Куда? Мы просто заблудимся в этом тумане!

– Я думал, такой взрослый парень сможет отличить по деревьям север от юга. Неужели ты совсем не ориентируешься в лесу? – с укором в голосе спросил этот странный мужичок.

Отчего, собственно, я должен был уметь ориентироваться в лесу? Я никогда не бредил стать бойскаутом.

– Мой внук все знает, – продолжал Алексей, купаясь в волнах нахлынувшей гордости. – Мы частые лесные гости, и этот смышлѐныш впитывает все как губка. Видишь стрелку во мху? – он повернулся и показал мне выцарапанную в зеленом бархате толстую стрелу и заглавную «А» под ней. – Это он мне оставил. Мой внук идет на север!

Я растерялся. Радость от встречи с кем-то сильнее, смелее и опытнее меня на данной местности в сложившихся условиях сменилась смущением. Я не думал, что мы пойдем вглубь леса. Отходить от дороги казалось лишённой смысла затеей. Надо лишь сделать крюк и вернуться к машинам, туда, где уже, наверное, работают оперативники и врачи.

– Алексей, понимаешь, тут какое дело. Мы с друзьями остановились, чтоб помочь именно тебе. Мы вызвали спасателей, а затем трое из нас покинули авто. В тумане развернулась драма, – мой голос дрогнул на этом слове, – и я побежал

в лес на поиски своей подруги... детства, — почему-то нелепо добавил я. — Мне хотелось бы помочь и пойти за твоим внуком, но самое разумное, что мы можем сделать, — это выйти обратно к дороге и попросить помощи у специалистов, знающих свое дело.

Он почему-то потупил взор и выдохнул в сторону прозрачной струей пара. Я сразу заподозрил неладное.

— Что? — нерешительно спросил я. — Что такое?

Он еще минуту молчал, ворочая головой и что-то неясно бормоча. А затем, так и не взглянув мне в глаза, произнес:

— Твои друзья мертвы.

Мои уши сдавило гулом. В следующее мгновение голова закружилась. Взрывной волной информации меня прибило к дереву. Грудь сковал спазм. Я открыл рот от недостатка воздуха, а Алексей продолжал, глядя теперь исключительно на свой ботинок:

— На дороге нет ничего, кроме их растерзанных тел. Блондин, рыжая и девочка в шапке? Ведь так?

— А-а-а-а-а-а,— закричал я, глуша себя скомканным пледом.

Все рушилось. Земля уходила из-под ног. Еще час назад я уверенно шел по своей дороге жизни, не имея ни малейших подозрений, что вскоре все мои мечты растворятся в этом коварном тумане. Ничто из прежних ценностей теперь не имело значения. Все было сметено, разбито и растоптано за одну ночь. Почему? Почему я не проехал мимо? Эти двое

живы, один так точно. Мои же трое друзей мертвы...

— Мне жаль говорить об этом, — резал на живую он, — но, пройдя полкилометра от дороги и зная, что мой внук где-то впереди, я не собираюсь возвращаться туда, где сторожевой собакой бродит это существо.

Теперь меня кинуло в жар. Со злостью бросив плед в сырую землю, я вскочил на ноги и судорожно принялся рассеивать белую мглу. Она сводила меня с ума. Мне казалось еще чуть-чуть, и я покончу с собой! Выбившись из сил, я повернулся и посмотрел на своего чудовищного информатора. Он стоял, прислонившись к дереву, и спокойно смотрел на мой бессмысленный акт паники.

— Послушай, моя подруга... детства, — снова невпопад добавил я, — она из очень влиятельной семьи. Если только она еще жива, — я сделал паузу, словно взывал об этом ко всем богам сразу, — то ее отец озолотит нас. Твой внук, скорее всего, погиб, либо это вопрос времени. Ты же взрослый человек, ты должен уметь смотреть правде в глаза! Прошу, вернемся к дороге! — взмолился я. — Скоро там появится реальная помощь. Впереди только смерть, как ты не поймешь!

Надо признать, я слегка блефовал. У меня не было особого выбора, если Женя мертва. Таким образом, если я не умру от рук этого жуткого существа, то сгину в тюрьме по ложному обвинению, которое ее семья мне обеспечит. Алексей видел своими глазами монстра, и потому он мне был необходим. Жизненно необходим. Так же необходим, словно воз-

дух.

Но уже в следующую секунду мой спутник выпучил глаза. Его челюсть заметно выдвинулась вперед, и сквозь зубы, будто зверь, он прорычал:

– В каком бредовом сне тебе привиделось, что я променяю внука на вознаграждение. Что я пойду спасти твою шкуру вместо него? Помощь будет здесь не раньше, чем через час, а у меня нет часа. Мой внук – моя кровь и плоть. Он все, что у меня осталось. Решив помочь тебе, я просто зря потратил драгоценные минуты, – переполненным презрения голосом выпалил он.

Почувствовав себя полным ничтожеством и смотря, как Алексей тяжелыми шагами отдаляется, скрываясь в тумане, я понял, что мне при любых обстоятельствах лучше сейчас последовать за ним.

Под ногами хрустели сухие ветки, звучно сообщая ему о моей немой компании. Я не умел извиняться. Любой промах я всегда старался перевернуть в свою пользу, чтобы только не произносить пресловутого «прости». Порой я набирался наглости и просто переводил разговор на другую тему. Иногда я даже мог перекрутить диалог и заставить извиниться невиновного. Сам же торжествовал, каждый раз выходя из ситуации победителем. Однако кто и когда научил меня тому, что просить прощения – значит прослыть проигравшим, признать собственное несовершенство, я не знал.

Сейчас все было иначе. Сами обстоятельства и мое пове-

дение, полное низости и эгоизма, не давали мне возможности беззаботно сравняться с Алексеем и пошутить на тему погоды. Это самое «совершенство» камнем висело на шее, притягивая к земле, словно червя, где мне было самое место. Я был омерзителен, и это чувство, словно кислота, разъедало изнутри. Все еще стараясь выйти сухим из воды, я прокручивал раз за разом произнесенные слова и не находил им оправдания.

– Алексей, стой, – догнал я его, – прости!

– Ладно, проехали, – слышалось в ответ.

Тяжелый камень в миг упал на землю. Он упал и остался где-то позади в гнилой листве. Вот и все! Так просто! Я уже свободно дышу и даже могу посмотреть ему в глаза. Неве-
роятно, но я давным-давно не чувствовал такого внутренне-
го облегчения, которое давало всего одно слово. Оно вовсе не уничтожало меня как личность, а, напротив, возрожда-
ло во мне человека. Почему-то здесь и сейчас признать се-
бя оступившимся, но, по сути, неплохим человеком было в
разы прекраснее, чем оставаться безупречно проворной сво-
лочью.

– Ты еще не познал, что есть дети и внуки, оттого этот пер-
вобытный страх за их жизнь тебе не ясен, – прервал мои мыс-
ли смягчившийся голос Алексея. – С их появлением все в
мире меняется. Больше не существует тебя, стоящего в цен-
тре Вселенной. Теперь есть только он, твой потомок, лучшая
часть тебя самого. Белый незапятнанный лист бумаги, где ты

записал все самое прекрасное, что знал в этой жизни. Все то, что хотел бы оставить в вечности бытия. Ты оберегаешь его от дождя жестокости, не даешь вступить в грязь лжи, осторожно обводишь вокруг болота боли и разочарований. Ведь самое невыносимое для родителя – это увидеть страдания и страх в глазах своего ребенка. И чтобы мой внук никогда не познал их, я готов положить здесь свою жизнь. Слышишь?

По моим рукам пробежали мурашки. Я бережно развернул скомканное покрывало и виновато им укрылся.

– Ты замечательный дед. Хотел бы я, чтобы мой был таким же, – выдохнул я, словно извиняя свое поведение неправильным воспитанием. – Я никогда не слышал от него подобных слов. Единственное, что ему хорошо удавалось – это рассказы про войну!

– И чем тебе не угодили эти рассказы?

Такой вопрос завел меня в тупик, ведь я старался сделать Алексею комплимент, никак не ожидая в ответ нападок.

– Вместо этих рассказов он вполне бы мог мне говорить слова заботы и любви.

– Слова заботы и любви могут звучать по-разному. Думаю, твой дед желал тебе всего самого прекрасного в жизни, что именно для него означало «жить без войны». Лишь только прошедший этот ужас может знать истинную цену миру. И пока человек помнит, что такое война, он никогда не сможет развязать ее вновь.

Алексей явно намеревался поставить меня на место, и те-

перь любое мое высказывание оборачивалось критикой. Мне ничего не оставалось, как смириться с его настроением и немного помолчать. Но уже через минуту он заговорил сам.

– Ты боишься?

– Да, боюсь...

– Страх за свою неповторимую шкуру обезображивает человека.

«Ну вот, опять он за свое, можно было бы и в самом деле уже проехать эту тему...» – только подумал я, но он продолжил нравоучения.

– Больше всего в жизни таких людей пугает неизвестность, хоть она и является неотъемлемой частью бытия.

«Да что мы всё обо мне да обо мне...»

Меня явно начинало раздражать это копание в собственной персоне, и на этот раз я решил парировать.

– А тебе, Алексей, страшно?

– Кто был в бою, тот черта не боится, – горделиво ответил он, произнося слово черт с особой осторожностью, словно убирая из него букву «ё».

«И этот туда же!»

– Да и знаю я немного больше твоего про здешние места, поэтому страх не гонит меня в ложном направлении и не мутит разум.

Это был уже далеко не первый камень в мой огород, после которого я даже пожалел, что извинился. Признавая себя лишенным достоинства и смелости, я буквально подпи-

сал приговор к словесному распятию, которое, вполне возможно, продолжится до самой деревни. Я вдохнул холодный воздух, полный влаги, и решил поставить точку на нравоучениях.

– Прекрасно понимаю, как я звучал со стороны в тот шоковый момент, однако прошу тебя прекратить мое публичное бичевание.

– Я и не думал тебя бичевать. Это сделало за меня твое собственное самолюбие, – продолжал он в том же духе. – Представь, что твоей истерики не было вовсе, показались бы тебе мои слова обидными или уничижительными?

Он был опять прав. Но, черт возьми, не извиняться же мне перед ним еще один раз?!

В стороне послышалось шуршание листьев. Алексей надавил на плечо, принуждая меня опуститься к земле и замереть. Чуть правее раздалось тяжелое дыхание. Недалеко среди деревьев кто-то крался, вдыхая наши капли холодно-го пота, разносимые ночным воздухом. Поверх тумана проплыли острые кривые рога. Теперь меня бросило в жар, и я прижался к дереву.

– Постарайся даже не думать о них, – еле слышно прямо на ухо шепнул Алексей. – Они приходят на твой зов.

Просидев больше пяти минут в полной тишине, я спешно переспросил:

– Только на мой?

Он как-то странно посмотрел на меня, словно забыл, о

чем был разговор, и вдруг мои щеки покраснели. Я наконец понял, что замкнул весь мир на себе совершенно напрасно.

– Ну я их уже как с прошлой осени не зову, стало быть, сейчас только ты из нас двоих этим занимаешься, – Алексей был полон терпения к моему эгоцентризму.

Он снова резким движением коснулся ладонью моего носа, сигнализируя сию же секунду прекратить разговоры. Где-то совсем близко мощные ноздри издали еще один сап, а тяжелые шаги лишь спустя несколько секунд неспешно отдалились.

– Что значит зову? И кого их? – первым делом зашипел я, когда все стихло.

– Господи, я думал, ты более смысленный! Тех самых, хвостатых и рогатых... Ну! Догадываешься?

– А если позвать Господа Бога, он тоже придет?

Алексей впервые с момента нашего знакомства разразился хриплым смехом:

– Нет, не думаю. Не подходящее тут для него место.

Я, окрыленный маленькой победой в демонстрации искрометного юмора, с улыбкой добавил:

– И чем же ему место не угодило?

На что мой спутник снова нахмурился и почесал затылок.

– Как-то раз я ехал здесь один, – хриплым голосом начал он. – Была осень и вдоль обочины немного выше по склону я заприметил мясистые шапки боровиков. Остановил машину и собрал два больших мешка, а после спустился в лес и

продолжил сбор там. Чем глубже я продвигался, тем больше грибов находил, и в какой-то момент, подняв голову, мой взгляд наткнулся на заброшенную избу. Это был срубленный из необработанных бревен домик, огороженный по периметру частоколом. Моя находка не была бы столь примечательной, если бы не ее странный вид. Все бревна от частокола до стен сооружения были исцарапаны длинными когтями. Земля вокруг местами была вскопана, а от засохших земляных булыжников в разные стороны отходили все те же царапины, сделанные человеческой пятерней. Все выглядело так, словно из-под земли время от времени кто-то выбирался и нападал на дом. В глухом лесу много всякой живности, но я не знаю ни одного зверя, способного оставлять такое. Любопытство одолело страх, и я зашел в хижину. Ее земляной пол был сырой и дурно пах. Сквозь единственное окно попадало не так уж много света. Я включил встроенный в мобильном телефоне фонарик. От увиденного мои руки задрожали, и я выронил аппарат на землю. Тот, упав экраном вниз, простер свой яркий луч сквозь темноту. Он тускло озарил бревенчатые стены и обнажил их жуткие портреты. На меня смотрели безобразно изуродованные лица, вырезанные острым предметом по мягкой сосне. Они подобно негативам на пленке навсегда отпечатались там, покрывая избу от самой крыши до вязкой земли. Из темного угла на меня смотрел безумный старик, справа от него, оголив ряд острых зубов, хищно улыбался завсегдатый житель преисподней. По другую сто-

рону удлиненное лицо с мертвецки закатившимися глазами. Кто-то дыхнул мне в затылок, и я почувствовал, как могильный холод пробежал по спине. Я резко обернулся, наткнувшись на бездонный взгляд из самого темного угла, который заставил мои руки похолодеть от ужаса. Не помня, как поднял свой телефон, я выбежал на улицу. Оставив все грибы у частокола, я уносил ноги как можно дальше от этого места. Однако, отбежав не так далеко, я вдруг остановился. Отдышавшись, я решил все же вернуться...

Я пытливо заглянул Алексею в глаза, но тот не ответил на мой взгляд.

– Солнце садилось, – продолжал он. – Оно бросало свои косые лучи сквозь сосны, в которых довольно быстро растворился мой страх. Вскоре я снова подошел к избе и, подняв перед собой телефон, увидел бордовую липкую грязь. Она тянулась мерзкими жилами от пальца к пальцу и извергала невыносимое зловоние. Это была чья-то кровь. Воздушный шар терпения оторвался в моем животе и моментально подлетел к горлу. Все это было непонятно, жутко и противоречиво – меня чуть не стошнило. Но я прошел войну, мальчик. Я проплыл свое море крови, понимаешь?

Я молчал, даже не зная, что ответить на это. Чем дальше мой спутник уводил свою историю в мистические дебри, тем больше мне хотелось найти всему логическое объяснение. Сию же секунду мистер страх превратился в рассудительного скептика, нырнувшего в глубины памяти в поисках

объяснений и ответов.

– Записав координаты перевала, я отправился в путь, – выдержав драматическую паузу, продолжил он. – По приезде домой, я загрузил координаты на компьютер и нажал кнопку поиска. На мониторе отобразилась всего одна ссылка, содержащая фотографии интересующего меня характера. Статья была сделана неким Рыцарем Ирвином – заядлым любителем реконструкционных игр. Бородатый мужчина лет сорока, застыв, глядел на меня из небольшого прямоугольника в правом верхнем углу экрана. В своей статье он вел повествование о таинственном месте, которое облюбовал себе для аскетства. Позже я узнал, что имя этой долины Гленамар.

– Так у этого места даже есть имя? – недоверчиво прошептал я. – И что оно означает?

– Переводится с кельтского как Долина Мертвых.

В моей груди снова потяжелело.

– Что ты сказал?

– Это место называется Гленамар, что означает с кельтского Долина Мертвых, – спокойно повторил для меня Алексей.

– Но почему они его так называли? – мой голос дрогнул. И в тщетной попытке скрыть свой страх я закашлялся.

В статье было написано следующее: «Отказавшись от новомодных гаджетов и социального общения, я построил себе избу из бревен в глубоком лесу. Пока я занимался строительством и навещал свою будущую обитель в дневное вре-

мя суток, это место казалось мне настоящим пристанищем покоя и гармонии», – рассказывал Ирвинд. – «Но однажды, задержавшись с покрытием крыши, я досидел дотемна. До того вечера я никогда в своей жизни не страдал необъяснимыми приступами страха. Отлично ориентируясь и спокойно чувствуя себя в темноте, я вдруг стал ощущать постороннее присутствие, а вместе с ним и пристальное наблюдение со стороны. Это был не зверь, потому как я словно знал, что существо мыслит, прячась там, под покровом ночи. Мне стало очевидно, что оно с неким своим интересом выслеживает меня. Лишь только успокоив свои нервы и повернувшись к предполагаемому наблюдателю лицом, я внезапно ощутил еще один взор со стороны спины. Под футболкой пробежала рябь, которая тотчас заставила меня сложить инструменты и спуститься на землю. Поляну окружал ряд сосен, между которыми в поглощающей темноте мелькали красные огоньки чьих-то любопытных глаз. Оставив строительство, я со всех ног бросился сквозь лес к машине. Я точно слышал, что за мной кто-то бежал, а несколько из них даже поравнялись метрах в пяти по правую, а затем и по левую руку. Наконец очутившись в машине, я взглянул в свое бледное, как лист бумаги, лицо и дал слово никогда больше сюда не возвращаться. Но вот уже через пару километров ужас сменился радостным волнением. Чувства переполняли меня, ведь я вполне мог стать одним из первых свидетелей потустороннего с реальными доказательствами, заснятыми на видео. С

этими мыслями пришла идея об установке камер наблюдения на крыше хижины.

Немного отойдя эмоционально, я вдруг стал застывать на зеркале заднего вида. Отчего-то мне казалось, что кто-то настойчиво смотрит на меня сквозь него. Вполне возможно, это был обычный человеческий страх, и, повернув ключ в замочной скважине, я зашел в дом. Но, если это был страх, то он зашел за мной вслед. Пока я копался в компьютере, записывая все увиденное, на кухне пару раз что-то брякнуло. Я остановился и прислушался, но, начав набирать текст вновь, сквозь клацанье клавиатуры раздался отчетливый стук в стену, что отделяла меня от кухни. В ту ночь я слышал шорканье в коридоре, постукивание занавесочных колец, перебирание обуви у входной двери и еще много мелких приветов из невидимого человеческого глазу мира. Не помня, как уснул, я по сей день помню, как проснулся. Он дышал мне прямо в лицо, наклонившись так близко, что его странный зловонный запах серы сковал мое горло и осел омерзительным привкусом на кончике языка. Я подскочил на кровати, включил ночник и осмотрелся. Ничего вокруг не выдавало потустороннего присутствия, и, словно сметая руками ужас со своего лица, я выдохнул в ладони, пытаясь выпихнуть из себя ненавистное чувство. Сию же секунду задребезжало стекло. Я резко повернулся к нему и увидел исчезающий отпечаток дыхания. Со сном было покончено. К восходу солнца все камеры были упакованы, батареи заряжены, а

страхи перебороты».

Так заканчивалась статья Рыцаря Ирвина. В немногих комментариях к ней я обнаружил один весьма любопытный. Уже другой такой же бородатый плотного телосложения «рыцарь» оставил свой номер телефона для любого, кто видел Ирвина, слышал от него вести или что-то о нем знает. Я позвонил. Никто не поднял трубку. И мне даже сделалось легче, что история закончилась сама собой. Но спустя пятнадцать минут с таинственного номера перезвонили.

– Добрый вечер. Вы недавно набирали мне, – прозвучал низкий голос.

Я на секунду растерялся, не зная с чего начать.

– Это по поводу Рыцаря Ирвина, – отрывисто начал я, ожидая реакции на другом конце.

– У вас есть о нем новости? – нерешительно отозвался собеседник.

– Эм, нет. Но я был на перевале. Видел его недостроенный дом. Мне бы хотелось знать больше о том, что ему удалось узнать.

– Как и всем нам... – тихо произнес разочарованный голос. – Миша пропал. До сих пор его не нашли ни живым, ни мертвым.

Теперь мне стало действительно не по себе. Но вместе со страхом росло любопытство.

– Значит, эта статья – все, что на сегодня известно?

– У меня есть его последние звуковые сообщения, запи-

санные, вероятно, для очередной статьи. Его телефон – вот все, что мы нашли, прочесывая лес. Он лежал в траве оврага, примерно в километре от брошенной машины.

Мой собеседник проговаривал это ни в первый, ни во второй и даже ни в третий раз.

– Простите, что омрачаю ваш вечер. Я не знал подробностей. Думаю, он был вашим хорошим другом, и я своим звонком лишь дал почву ложным надеждам. Возможно, я льщу себе, что смогу разгадать загадку этого места, но мне все же очень хотелось бы попробовать.

– Понял. Вышлю вам файл. Слушать перед сном или утром, решайте сами. Но если б я знал вас лично, то настоятельно бы посоветовал выбрать утро.

Уже через пару минут после того, как я отправил сообщением свою электронную почту, на нее прилетел таинственный документ с четырьмя звуковыми дорожками. Руки нерешительно застыли на клавиатуре, но уже скоро я услышал бархатистый голос, даже не заметив, как мои пальцы сами включил звукозапись:

«Лес приветствует меня душистым ароматом и яркими солнечными пятнами. Как я мог вчера чего-то здесь бояться? Птицы трещат наперебой (они и вправду там чирикали, как ненормальные, окружая рассказчика со всех сторон) приятный теплый ветер где-то высоко мотает хвойные лапы, сквозь которые дружелюбно синее небо. Да и мой беспокойный гость, кажется, отбился. Я уже не чувствую на

себе его пристальный взгляд. Все переживания ушли, я закончил крышу и установил четыре камеры – все, что смог привезти из дома. Мне остается только подняться к машине и вернуться сюда завтра!»

Первая звуковая дорожка прервалась, и сквозь неприятный скрежет началась вторая:

«Минуту назад я вышел из леса и взглянул на свой пикап, до которого еще нужно было докарабкаться из низины. Вдруг в окне заднего сидения блеснула пара глаз, высматривающих меня среди сосен. Волна ужаса прокатилась по телу, а ноги напрочь отказались продолжать путь к дороге. Я хлопнул по карманам: ключи от дома и бумажник к счастью оказались со мной. Сейчас я удаляюсь в лес, меняя направление движения и свои планы на сегодня...»

Услышав уже знакомый скрежет, я распознал чьи-то шаги в высокой траве. Началась третья запись:

«Мой друг должен меня подобрать на машине. Он еще в пути, а мне осталось с полкилометра. Я встретил интересного собеседника, который много знает о здешних местах», – относя звукозаписывающее устройство в сторону, Ирвин обратился к кому-то: «Представьтесь!»

В ответ слышалось лишь странное шипение, в котором не прозвучало и намек на человеческую речь. Михаил же продолжал свой диалог, получая от кого-то вполне понятные ему ответы:

«Мой спутник поведал мне занимательную историю, при-

летевшую из забытых легенд. Оказывается в здешнем лесу в первом веке до нашей эры проживало одинокое племя магов. Они прекрасно врачевали и могли видеть будущее, но совершенно не умели воевать. Однажды в своих видениях маги племени узрели, как перевал штурмуют кельты, истребляя всех на своем пути. И что же произошло дальше?» – голос рассказчика отдалился, и звукозапись наполнилась уже знакомым уху шипением...

В нем отдельными звуками еле различались слова, однако были они совсем не на том языке, на котором говорил сейчас Михаил. Я слушал их тысячу раз, работая с записью. И значения этих четырех слов я пока так и не нашел ни в кельтском языке, ни в индоевропейском, ни в древнегреческом. Звуковая дорожка снова прервалась резким скрипом и дала начало последней записи:

«От этой истории бегут мурашки по коже, не правда ли? Значит, говоря простым языком, этот договор с демонами смерти, что маги заключили, дал племени победу над кельтами, однако навсегда лишил их покоя. Сошедшие в долину кельты убивали жителей этого района одного за другим, но вскоре те снова вставали и продолжали свой бой. А в темноте ночи ходили немые наблюдатели, цокая копытами и сверкая ярыми глазами под тяжестью извилистых рогов. Они любовались кровавым лесом, впитывая в себя все ужасы той войны. Остатки кельтов бежали, обозначив местность на своих картах надписью Глен-нам-мар, что переводится с кельтско-

го как Долина Мертвых...»

На этих словах завершалась запись, но скрежета, свойственного ее отключению, не последовало. Мне показалось, что кто-то словно обрезал файл, скрыв феерическое окончание. Будучи человеком настойчивым и внимательным к мелочам, я перезвонил на уже знакомый мне номер. Однако друг Михаила уверил меня, что никакого обрезанного продолжения нет. Эта запись заканчивается именно так. Не падением телефона в траву, ни криками о помощи, а вот так — гробовой тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.